

ЕВРЕЙСКИЙ ДАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

СИЗИФ И ЕГО КАМЕНЬ

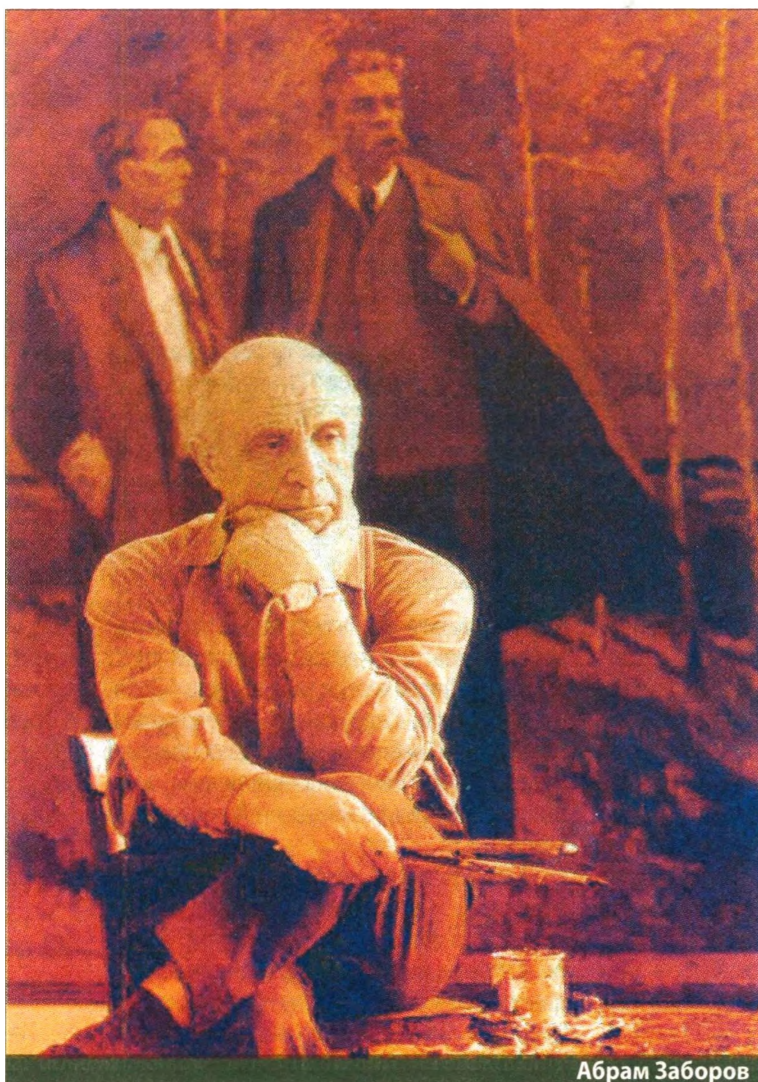
Белла КЕРДМАН

С Михаилом Заборовым мы знакомы более двадцати лет. Меня, поселившуюся по приезду в Кфар-Гвиrole, пригороде Реховота, земляк-одессит позвал на виллу, где собирались художники, литераторы, актеры и люди из "зрительской публики". Мол, будет интересно. Было действительно интересно.

Хозяева, Миша с женой Светланой, успевали уделить внимание каждому гостю, читала стихи Рита Бальмина, живущая ныне в Америке, кто-то пел под гитару. Но самое сильное, ошеломляющее впечатление произвел альбом, передаваемый по кругу, из рук в руки. Так я впервые увидела работы Бориса Заборова, старшего брата Миши. А вскоре по российскому ТВ показали его выставку в музее им. Пушкина в Москве. Персональная выставка эмигранта. Правда, на календаре уже был 95-й год, а на счету художника - персональные выставки за рубежом.

Знакомство с Заборовыми продолжилось и после того, как я оставила Кфар-Гвиrole, общение с Михаилом, скульптором, искусствоведом и философом, уже виртуальное, стало непрерывным. И я теперь знаю об этом семействе главное: они талантливы все.

В исход из Минска, семья живописца Абрама Борисовича Заборова отправилась по двум направлениям. Михаил с женой и старшей дочкой (младшая родится уже здесь) в 1979 году последовали с родителями в Израиль. А Борис с женой, дочкой и сыном спустя год рванул в никуда, то есть в Париж. Согласно концепту Миши Заборова - "У каждого Сизифа свой камень, а также своя вершина (он говорит "свой бургор") - тут все закономерно.

Абрам Заборов

Начнем с родителей.

Абрам Борисович Заборов родился в 1911 году в местечке Лиозно, в семье мелких торговцев. Учился в еврейской семилетке городка Велиж. Мальчик рано проявил способности к рисованию, а главной темой рисунков тогда были, разумеется, сюжеты гражданской войны. Закончил Витебское художественное училище - в недавнем прошлом это была знаменитая школа Ю.Пэна, на здании еще висел плакат: "Чтоб каждый так шагал, как Марк Шагал шагал!". Окончив учебу, поселился в Минске и, как большинство профессиональных со-

ветских живописцев, выполнял заказы Худфонда, а это были стенды, доски почета, портреты вождей и разных героев. Иной персонаж попадал во "враги народа" раньше, чем живописец завершит его портрет, такое было время.

Первый заметный успех принесла Абраму картина "Чапаев", показанная на всесоюзной выставке "20 лет ВЛКСМ". Признанием пользовались и другие его работы - добротная живопись реалиста. Начиная с 31-го года он участвовал в республиканских, всесоюзных и международных выставках.

Вторая мировая война стала фактом его биографии: Абрам Заборов был на фронте. Я нашла в интернете весьма любопытный текст: "Художник Абрам Заборов пишет в Москву письмо секретарю ЦК КП(б) Эйдинову. Он служит на Н-ском аэродроме, в маскировочной службе, но всем сердцем рвется на помощь страдающей Белоруссии. Он просит отправить его к партизанам, чтобы писать с натуры портреты, чтобы, как говорит письмо, "отображать борьбу белорусского народа с немецко-фашистскими захватчиками".

"Раскрепощался отец, только вырываясь "на эту ды", - рассказывает Михаил, младший сын Абрама. - Он любил белорусскую природу, писал, будто молился, возвращался с целой серией работ и замыслов. У меня на стене два белорусских пейзажа, я их люблю, написаны скромно, но цветно, в обоих просветление как-то умиротворенно борется с грустью. Писаны пейзажи по памяти, ведь вывезти из Союза ни одной работы власти художнику не позволили. Где вы теперь, картины моего отца, плод целой жизни?".

Живописец, травмированный тем, что его лишили собственных картин, в Израиле снова взялся за кисти и успел наработать на две выставки, которые состоялись в Кфар-Сабе и Рамат-Гане. Одно из своих полотен, "Реквием" он подарил кнессету, его там поместили на стену в 1984 году, после смерти художника. Умер он по здешним меркам рано: в 69-м. Как понимает Миша, отец просто потерял стимул жизни: он не чувствовал спроса на свою живопись.

Теперь о матери семейства, Эсфири, жене Абрама. Я успела с ней познакомиться на том вечере на вилле. В моих электронных

документах хранится дневник Мишиной мамы, который он мне в свое время переслал. Она писала его в возрасте под 90, вернее, диктовала своей подруге и назвала просто: "Воспоминания". Закончить свой труд женщина не успела, повествование оборвано, что называется, на полуслове. Но Миша кое-что дописал, и сыновья издали малым тиражом этот текст.

Эсфирь родилась в небольшом городке Прушнице, что на границе Польши с Германией, была старшей из восьмерых детей в очень бедной семье, с работающим и строгим отцом (он был колесником) и сердобольной, хозяйственной мамой. Ее рассказ о жизни еврейской девочки, девушки, женщины из штетла, которой природа дала талант музыканта, но жизнь не позволила его реализовать, читаешь не переводя дыхания. Как заметил Миша, "сизифовым камнем" его мамы с детских лет была скрипка. Но у родителей не было средств, чтобы дать ей настоящее музыкальное образование. И 20-летняя Эдилька, так ее имя звучало попольски, со своей скрипкой 31 декабря 1932 года покинула дом и отправилась туда, где за учебу платить не надо - в СССР. Ни жилья, ни средств для существования у эмигрантки не было. Ей пришлось испытать, что такое продовольственные карточки, по которым в день выдают 400 граммов кислого хлеба, и война, когда муж на фронте, а она с детьми мыкается то в пути под бомбежками, то под чужой крышей. Эсфирь Заборова привела на свет четверых детей, но двое умерли в раннем возрасте. Увы, не до скрипки ей было в молодые годы - все силы уходило на выживание. Свой "сизифов камень" она к вершине не подняла.

Единственным из Заборовых, кому это удалось, Миша одно время считал только старшего брата, Бориса. Сегодня его мне

Ян Томаш ГРОСС

при участии

Ирены ГРУДИНЬСКОЙ-ГРОСС

ЗОЛОТАЯ ЖАТВА

Отрывок

Глава "Что мы видим на снимке"

На первый взгляд, картина на фотографии кажется хорошо знакомой: крестьяне во время жатвы отдыхают от работы. Орудия на плечах или поставленные на торец служат им опорой, а перед группой, запечатленной на снимке, лежат сложенные на землю плоды.

У многих из нас такие снимки остаются в альбомах после летних каникул, проведенных в деревне у близких или дальних родственников; другие привезли их из харцерского (пионерского) лагеря в глубокой провинции, где они помогали на сенокосе. Каждый год летом на первых страницах газет в коммунистических странах такими снимками отмечались успехи коллективного хозяйства. Более или менее художественно выполненные варианты таких сцен можно было увидеть в музеях и картинных галереях.

И однако, несмотря на буколическую картину (группа мужчин и женщин, занятых разговорами на лоне природы), фотография вызывает тревогу. Не только потому, что она нерезкая или что рядом с гражданскими лицами стоят люди в форме. То, что мы видим, - знакомое и вместе с тем какое-то чужое. Если бы, например, вместо хвойных деревьев на заднем плане были пальмы, можно было бы подумать, на худой конец, что снимок сделан в пустыне. А когда под конец мы видим, что плоды, сложенные у ног сфотографированной группы, - не более ни менее как человеческие черепа и кости, мы чувствуем себя еще более растерянными. Кто эти женщины и мужчины на снимке и чем они занимаются? Откуда это фото?

Сделанный вскоре после окончания Второй мировой войны, в середине XX в., снимок представляет групповую сцену где-то в центре Европы. На фотографии рядом с группой мазовецких крестьян увековечен холм из праха 800 тыс. евреев, убитых в газовых камерах или сожженных в Треблинке с июля 1942 по октябрь 1943 г. Европейцы, которых мы видим на снимке, по-видимому, занимались раскапыванием человеческих останков в поисках золота и драгоценностей, которые проглядели нацистские убийцы: это кропотливое занятие, так как по рассказам палачей, они скрупулезно заглядывали еврейским трупам во все отверстия тела и вырывали золотые зубы.

Зрелище, кажущееся таким мирным, касается двух центральных тем Холокоста: массового убийства евреев и сопутствующего грабежа еврейского имущества. Что оба явления были между собой неразрывно связаны - об этом достаточно свидетельствуют разговоры в *apud mundi*, в газовой камере Освенцима, между заключенным Филиппом Мюллером, для которого это был первый день работы по обработке и уничтожению трупов, и эсэсовским надзирателем.

Эту книгу читать тяжело - морально и физически. Импульсом к ее созданию послужила фотография, сделанная после войны на территории лагеря смерти Треблинка, где местные жители занимались поисками драгоценностей, якобы оставшихся после уничтожения евреев в газовых камерах. Именно на периферии Холокоста замечены гиены в человеческом образе. "Золотая жатва" (вы еще оцените гениальность заголовка) - не только описание этого кошмара, но и попытка понять его причины. Авторы книги Ян Томаш Гросс (прославившийся после книги "Соседи") при участии Ирены Грудзиньской-Гросс. Подзаголовок книги - "О том, что происходило вокруг уничтожения евреев". Перевод осуществлен Леонидом Мосионжником при помощи польской организации "Никогда больше". Книга выпущена совместно издательствами Wydawnictwo Znak, Krakow, 2011 и "Нестор-История", Москва - Санкт-Петербург, 2017. Кроме того, приняла участие молдавская программа книгоиздания "Кантемир". Тираж этого научного издания - 500 экз., и потому немного смущает обозначенное в аннотации замечание: "Книга рассчитана на широкого читателя". Мы, полные благодарности авторам, переводчику и издательствам, постараемся познакомить с ней и русскоязычного читателя Израиля

После того как транспорт словацких евреев весной 1942 г. был отправлен в газовую камеру, заключенные из зондеркоманды, обслуживавшей крематорий, получили приказ снять одежду с убитых.

"Передо мной лежал труп женщины. Весь дрожа, трясущимися руками я начал снимать с нее чулки. Впервые в жизни я прикасался к покойнику. Тело было еще теплым. Чулок, который я стягивал с ноги, порвался. [Эсэсовец] Штарк, наблюдавший за этим, ударил меня с криком: "Что ты творишь, смотри, что делаешь, эти вещи еще можно использовать!"

Первый комендант лагеря смерти в Собиборе, а позже в Треблинке, Франц Штангль, на вопрос американской журналистки Гиты Серень: "Как вы в то время думали, что было причиной уничтожения евреев?" - ответил: "Хотели забрать их деньги. Понимаете ли вы, какие фантастические суммы входили в игру?". Ведь прибыльность всего предприятия не была безразлична для тех, кто его осуществлял. Глава СС и полиции в Люблине Одило Глобочник, руководивший операцией "Рейнхард" (секретное название в честь убитого чешскими подпольщиками обер-полицеймейстера Рейнхарда Гейндриха, именем которого

была названа инициатива по истреблению всех евреев в генерал-губернаторстве)¹, вызвал Штангль в середине августа 1942 г. и дал ему следующую инструкцию: "Поедешь в Треблинку. Мы туда отправили уже сто тысяч евреев, а еще не получили ни вещей никаких, ни денег. Хочу знать, в чем дело..."

Штангль очень хорошо справился с поручением, и вскоре из Треблинки начали уходить транспорты с вещами убитых евреев. Кроме бижутерии, драгоценностей и денег в разных валютах, из лагеря было отправлено "всего более тысячи вагонов, груженных вещами убитых. Экспедиционная отправка вагонов происходила на станции Треблинка после того, как армейские уполномоченные получали от эсэсовцев сопроводительные листы".

Эти вагоны должны были отправлять польские железнодорожники, удостоверившись, что их содержимое соответствует описи. Поэтому сведения Франтишека Зомбецкого, дежурного по движению на станции Треблинка, чрезвычайно детальны: "В вагоны были погружены мужские пальто, связанные по несколько штук, отдельные мужские костюмы, пиджаки, белье, отдельно детская одежда и дамские

костюмы, платья, блузки, свитера старые и новые, шляпы, шапки, отдельно мужские сапоги с голенищами, полусапожки мужские, дамские и детские. Белье мужское, дамское, детское, отдельно - использованное и новое, даже подушки и конверты для младенцев. <...> В сумки сложены карандаши, авторучки и очки; трости и зонтики связаны в отдельные пачки. Целые сумки также наполнялись катушками ниток всех сортов и цветов. Отдельно связали куски кожи для обуви, твердой кожи для подметок, материалы для одежды, портфели. В картонные коробки упаковывали приборы для бритья, бритвы, ножики, машинки для стрижки, зеркальца, даже кастрюли всякого рода, тазы, столярные инструменты, пилы, рубанки, молотки, в общем - все то, что могла привезти в лагерь толпа в несколько сотен тысяч людей. <...>. В вагонах высылалась также масса волос после стрижки женщин. Груз этих вагонов определялся как военная пересылка: Gut der Waffen SS. Вагоны направлялись в Германию, а иногда на адрес "трудового лагеря СС" в Люблине".

Именно там находилась штаб-квартира Глобочника и штаб операции "Рейнхард".

Сам Глобочник относился к своей роли стража награбленного еврейского имущества, как лис - к охране курятника. Пост шефа полиции в люблинском округе генерал-губернаторства был для него вторым шансом на карьеру в нацистской иерархии, после того как его выгнали из штата венского гаулейтера... за коррупцию. Молниеносное разграбление венских евреев сразу же после аншлюса Австрии было первой мастерски проведенной акцией "ариизации", т.е. захвата еврейского имущества, в которой показал свои способности Адольф Эйхман, а первым помощником его был - как видим, чуть-чуть излишне в собственных интересах - Глобочник. Пару лет спустя оба войдут в число виднейших исполнителей "окончательного решения еврейского вопроса". Генрих Гиммлер, шеф полиции и СС в Третьем рейхе, питал к Глобочнику особую слабость. "Дорогой Глобус, - писал он, допуская уменьшительное обращение в официальной переписке, - получил твое письмо от 4 ноября 1943 г. с рапортом о завершении операции "Рейнхард"..."

Из главы "О потребности
называния"

На первый взгляд, снимок из Треблинки не касается того, о чем мы сейчас говорим. Как уже упоминалось, сцена похожа на иконографию жатвы: окончание работ, еще не праздник урожая, но уже отдых. Белые платки на головах женщин, белые рубашки мужчин, солнечный свет, земля словно вспахана. Но это только на первый взгляд.

Хороший снимок, по словам Сюзан Зонтаг, обладает силой максимы, цитаты или пословицы. Он схватывает реальность и предъявляет ее нам. В этом смысле снимок из Треблинки нехорош, так как его значение нелегко понять. Его нужно разгадывать и интерпретировать. Главное - кости и черепа - хоть и на первом плане, но как бы

скрыто, неясно. Непонятны и скрытые мысли, чувства людей, собравшихся вокруг этих костей. Мы не знаем, кто был автор этого кадра и с какой целью он снимал. Судя по качеству снимка, он не был профессиональным фотографом - что, впрочем, прибавляет снимку подлинности: мы видим в нем документ. Судя по мундирам и видам оружия, это сороковые годы. От закрытия лагеря смерти прошло уже довольно много времени: черепа и кости чистые.

Ситуация на снимке наполовину официальна: крестьян (вероятно, это жители окрестностей Трехлибке) окружают вооруженные солдаты или милиционеры, но между обеими группами не видно напряжения или конфликта. Люди в форме стоят близко к гражданским, хотя и не смешиваются с ними. Люди заняты тем, что позируют, меняются местами с соседями, заканчивают какой-то разговор. Не видно напряжения и в их отношении к черепам и костям, аккуратно разложенным перед сидящими. Никто на них не смотрит. Что-то происходит в центре группы: больше людей смотрит в ту сторону, чем на фотографа. Может быть, там еще не были готовы, еще не организовались ("подвинься"?). Каждым своим жестом (и словом) они подтверждают нормальность своего положения: расстановка, разговор. Эту сцену должен был сопровождать немалый гвалт (и кладбищенский запах). Вот, собрались после рабочего дня, после успешных трудов, расселись для фотографии. Достаточно спокойны. Устали.

Вопреки нынешним обычаям, никто не улыбается в объектив. Все серьезные, недоверчивые. Наверняка до сих пор их нечасто снимали; может быть, их беспокоит, что будет дальше с этой фотографией? Может быть, это улика их присутствия на месте осквернения кладбища? Однако они естественным образом встали в полукруг, как на традиционных групповых снимках - например, после сборов. Эти крестьяне из ближней округи, скорее всего, были пойманы с поличным при перекапывании земли в поисках еврейского золота и драгоценностей, либо их пригнали, чтобы выровнять грунт после тех, кто копал раньше. Если представить себе эту фотографию опубликованной в коммунистической прессе, подпись гласила бы: "После работы".

Из главы "О том, что у "перехвата" еврейской собственности было много сторонников"

Явление, о котором напоминает наш снимок, - грабеж еврейского имущества - начинается в Европе, оккупированной нацистами, задолго до уничтожения евреев. В целом связь евреев с деньгами, с золотом - это, наряду с образом еврея-богоубийцы, самое частое антисемитское клише. У обоих признаков есть общий "троп" - еврей-кровопийца. В переносном смысле это также "еврей-эксплуататор", как и "еврей - ритуальный убийца" невинных христианских младенцев. Помимо разных вариантов темы еврейских заговоров - например, что евреи кому-то "всадили нож в

спину" или превратились в рассадник большевизма, - антисемитская пропаганда издавна использовала штамп "еврейского экономического засилья" (как и захвата правительств, которые, по представлениям антисемитов, были осаждены евреями), чтобы освободиться от еврейской "неволи".

Грабеж еврейского имущества затронул германских, чешских и австрийских евреев, подвергшихся так называемой "ариизации" еще до того, как Гитлер развязал войну. Как пишет историк об этом аспекте политики национал-социалистов, "это был один из крупнейших трансфертов собственности в наше время".

Экспроприация происходила двумя путями: с помощью юридических актов об изъятии собственности евреев (ариизация в прямом значении слова) и через манипуляцию зарплатами, налогами и курсами обмена валют в контексте политики вынужденной эмиграции, объектом которой было еврейское население в Третьем рейхе. Одним из самых последовательных бюрократов в этой сфере стал Адольф Эйхман. И именно с помощью опыта, полученного в этой сфере, позже была организована чрезвычайно эффективная система отправки евреев в лагеря смерти.

Правила, целью которых было ограбление эмигрантов, ужесточались со временем. К примеру, те, кто решил эмигрировать еще до начала войны (для многих евреев сигналом к выезду стала "Хрустальная ночь" в ноябре 1938 г.), могли забрать с собой лишь очень небольшую часть - всего лишь несколько процентов - имущества, накопленного поколениями предков.

Из этого извлекали выгоду не только конкретные лица, к которым переходил титул собственности, но и административный аппарат НСДАП, для которого ариизация создала, помимо всего прочего, возможность материально обеспечить верных товарищей по партии. Пользуясь выпавшим случаем, гауляйтеры позаботились о состоянии партийной кассы и лояльности широкого круга чиновников, банкиров и юристов, которым поручалось посредничество в соблюдении формальностей. По наблюдению историка экономики, наблюдавшего это явление в Гамбурге, "хотя национал-социалистское государство получало большую часть выгоды от процесса "ариизации", но никакой другой аспект антиеврейской политики нацистов не привлекал столько людей, которые вдобавок получали от этого личную выгоду". Это можно сказать и обо всем пространстве оккупированной Европы.

Аспект "ариизации", связанный непосредственно с темой нашего снимка, - конфискация благородных металлов, которыми располагали евреи. На эту тему была издана целая серия распоряжений, и в итоге в марте 1939 г. был объявлен принудительный выкуп через государственные конторы всего золота, серебра и платины, находившихся во владении евреев². Оценка сдаваемых вещей была еще одним поводом обобрать евреев.

Помимо того, что благородные металлы использовались как средство платежа для зарубежных закупок (немецкие марки в то время не принимались), они были не-

обходимы и как сырье в некоторых важных секторах военной промышленности. В течение всей войны немцы не испытывали недостатка в этих материалах. Почти все золото Рейхсбанка происходило из запасов награбленного, хранившихся и государственных банках оккупированных стран. "Только" около 15% запасов происходило от грабежа частных лиц или фирм.

Ценности, награбленные в лагерях смерти, были запятнаны в прямом и переносном смысле. Практикантка на заводе по литью благородных металлов в Рейникендорфе много лет спустя вспоминала присылаемые в переплавку зубные коронки и мосты, иногда даже с зубами, оправленными в металл. "<...> Особенно угнетало то, что все там выглядело, словно только что выломанное из челюсти. Зубы, иногда даже со следами крови и кусочками десен..." В придачу к тому, что "еврейское золото" было в каком-то кошмарном симбиозе со смертью, добавим, что предприятие, обладавшее правительственной концессией в Третьем рейхе на переплавку, обработку и вывоз за границу так называемых "еврейских металлов", - "Дегусса" - владело также патентом на производство "прусской кислоты", или "Циклона Б", использовавшегося для уничтожения почти миллиона евреев в газовых камерах Освенцима.

Навязчивые антисемитские бредни Гитлера не сводились только к стремлению захватить еврейскую собственность, хотя, надо признать, он и этим не брезговал. Вот один из примеров. Когда один из артистов, которому Гитлер оказывал протекцию, весной 1942 г. был поставлен во главе Мюнхенской оперы, начальник канцелярии НСДАП Мартин Борман направил бургомистру этого города письмо: "Сегодня я проинформировал фюрера о письме, которое получил от директора Крауса. Фюрер хотел бы, чтобы вы еще раз выяснили, не осталось ли каких-нибудь еще еврейских имуществ, которые пригодились бы для новых работников баварской национальной филармонии". В свою очередь Альфред Розенберг, который в качестве главы Операционного штаба Розенберга надзирал за разграблением еврейской собственности в оккупированной Европе, писал Гитлеру в апреле 1943 г.: "Мой фюрер, вместе с пожеланием счастья ко дню рождения позволю себе прислать альбом со снимками некоторых самых ценных картин из бесхозного еврейского имущества, которое охраняют мои команды в оккупированных западных странах. Этот альбом поможет вам в какой-то мере представить себе необычайную ценность и количество произведений искусства, добытых моим учреждением во Франции и отосланных в целостности и сохранности в рейх".

Однако идеологическая версия нацистского антисемитизма была поднята до высшей ступени взгляда на историю как на цепь заговоров и презрения к эксплуататорам, корни которого уходят в социал-дарвинизм. А когда нормы, обеспечивавшие равноправие, были разрушены, то практика государственных учреждений, созданных для дискриминации, постепенного ограбления и вытеснения евреев со своих

позиций открыла путь социального продвижения и материальной выгоды для остального населения. Таким путем государственный антисемитизм становится автономным - в форме разнообразных шансов для улучшения бытовых условий всех, кто не еврей.

Этот опыт выглядит неодинаковым для Третьего рейха и для оккупированных либо зависимых от Германии стран. По своему обстояло дело в Польше, по-своему - во Франции, Венгрии или Греции, но местные общества с удовлетворением воспринимали общие признаки механизма "перехвата" и перераспределения еврейской собственности в пользу арийцев.

В странах оккупированной Европы мы имеем дело, с одной стороны, с эксплуатацией и притеснением захваченной страны в целом, а с другой - с различиями во внутренней политике, со всеобщей и полной дискриминацией евреев, плодами которой пользовалась в большей или меньшей мере остальная часть общества - "широкие слои" или "большая часть", по выражению Яна Карского³. В Германии, пишет Саул Фридлендер, "в течение двенадцати лет существования Третьего рейха основой антиеврейской кампании был грабеж еврейского имущества. Это был самый легко понятный и легко приемлемый элемент, лучше будет - оправданный, если нужно, с помощью простейших идеологических аргументов".

Ведь европейское общественное мнение готово было согласиться с дискриминацией евреев. Не говоря уже о самой гитлеровской Германии, например, во Франции половина политических формирований перед войной выдвигала антисемитские лозунги. В предвоенной Польше, Румынии или Венгрии политический антисемитизм был распространен еще больше. А если дополнить эту картину антисемитизмом христианских костелов и церквей, вспомнить об их огромном общественном авторитете, то трудно удивляться, что устранение евреев из экономической жизни воспринималось как элитами, так и широкой общественностью во всей Европе с удовлетворением.

Пер. с польского
Леонида Мосионжника

¹ То есть Варшавское генерал-губернаторство - часть Польши, не включенная непосредственно в состав Германии после сентября 1939 г. - Прим. перев.

² В Германии евреям было разрешено оставить себе только обручальные кольца, одни серебряные часы, зубные протезы из благородных металлов и два комплекта уже использованных столовых приборов - по одному ножу, вилке и десертной ложечке на одну персону.

³ "Решение немцами еврейского вопроса - могу это утверждать с полной ответственностью за свои слова, - писал Ян Карский, - было важным и весьма опасным оружием немцев для морального умиротворения широких слоев польского общества. <...> Этот вопрос, однако, создает нечто вроде узкого мостика, на котором единодушно [выделено автором. - Я.Г.] сходились немцы и немалая часть польского общества".

Окончание. Начало на стр.1

ние изменилось, о чем будет сказано ниже. А сейчас мне надо набрать полные легкие воздуха, чтобы рассказать об одном из самых больших современных художников - Заборове Борисе Абрамовиче. И едва не в каждую фразу у меня станет рваться на речие "невероятно!".

Борис знал с детства: он, как и папа, художник. Родным и близким интересно было наблюдать, как маленький "Заборчик" стоит возле работающего Абрама и копирует его каждым жестом, даже выражением лица. Борис окончил художественное училище в Минске и поступил в Ленинградскую академию художеств, откуда перевелся в Московский художественный институт имени Сурикова.

Невероятно, однако: из Минска в 1981 году эмигрировал не богемный романтик, не отчаявшийся неудачник, а 46-летний отец семейства, художник с прочно заработанным именем - один из лучших книжных иллюстраторов страны СССР. На счету Бориса Заборова к тому времени было более 200 оформленных книг, в их числе сказки Пушкина, сонеты Шекспира, произведения Достоевского, Оскара Уайльда и многое другое. За иллюстрации к рассказу Достоевского "Кроткая" Б.З. был награжден золотой медалью Международной выставки графики и книжного искусства в Германии (1971 г.). Он успел также заметно проявить себя как декоратор, выполняя заказы Национального академического театра имени Янки Купалы.

Однако же он не мог оставаться там, где... Вот эпизод из его воспоминаний. Войдя в "предбанник" Союза художников Белоруссии, Борис увидел список названий картин, которые предлагалось написать к предстоящей республиканской выставке. Вроде "Догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока на душу населения". На той же доске были фотографии разнообразных передовиков. И вот его реакция: "Я вышел на улицу совершенно раздавленный. Такого уровня рабства я все же не предполагал. Мне стало ясно, что никогда на это не подпишусь, не положу добровольно голову на эту гильотину. Не смогу участвовать в бесовском блюде, быть иллюстратором пропагандистской пошлости. Уж если иллюстрировать, решил для себя, то лучше литературу. И пошел по другому адресу".

Так Б.З. стал книжным иллюстратором и театральным декоратором, обретая в этих отраслях международную известность, а также материальное благополучие. Мы же помним, как опальные литераторы шли в переводчики, опальные ученые - в дворники, а у художников, слава богу, была вполне достойная ниша. Но для живописца Бориса Заборова она была вторичной, он "всего лишь" должен был перевести на язык кисти творчество писателя или режиссера. А он хотел творить изначально свое!

Невероятно, что эмигрировал художник Борис Заборов не куда-нибудь, а в Париж! Который "увидеть и...". Что? Жить! Он пока не знал, как, но знал, что иначе. Что надо переломить участь, достичь полной независимости, свободы самовыражения.

У него были очень трудные два первых

Мать семейства Эсфирь Заборова

Борис с женой
Ирой Басовой-Корниловой-Заборовой

месяца, о чем Борис в своих интервью говорить не любит. А дальше случилось то, что он называет "невероятным везением". Вот из ответа Бориса одному интервьюеру: "Олег Целков, который вводил меня в географию художественной жизни Парижа, однажды сказал: вот если к концу жизни ты попадешь в галерею Клода Бернара, считай, что ты не зря приехал в Париж. Через три месяца я оказался в этой галерее. Абсолютно случайно. В этот момент родной брат Клода скончался, и могучий семейный клан Бернаров решил ввести в галерейную жизнь его дочь. Для нее было куплено рядом небольшое помещение. Было решено, что выставлять там будут неизвестных художников по ценам, доступным начинающим европейским коллекционерам... Так вот, этот человек объезжал все европейские страны в поиске семи-восьми человек, которые могли бы выставляться в новой галерее. Когда он попал ко мне, у меня было написано всего три-четыре работы... Шесть лет я работал с галереей Клода Бернара на эксклюзивном контракте, все покупалось на сто процентов".

Невероятно, однако одну из работ Б.З. приобрела галерея Уффици, что во Флоренции. В чем невероятность? А в том, что этот музей европейского искусства, один из самых крупных и значимых, хранит в основном работы старых мастеров - Джотто, Рафаэля, Леонардо да Винчи и т.п. Из русских художников там представлены только Брюллов, Кипренский, Айвазовский, Репин, Кустодиев и Шагал. И вот спустя 50 лет после Шагала там появляется картина Бориса Заборова "Автопортрет с моделью".

Воспроизвести эту (да и почти любую) работу этого мастера для газетной иллю-

Михаил Заборов рядом со своим скульптурным изображением Геулы Коэн, видной политической деятельницы Израиля

страции невозможно. Особая живописная техника требует для репродуцирования альбомного глянца. А эта, из Уффици, еще и необычного формата: примерно два метра длины и менее метра высоты. Попробовать пересказать? Портрет художника отражен в зеркале, что подсказывает яблоко, изображенное около. Пространство между Автором и Моделью густо записано мглистым воздухом и вроде бы дышит, клубится, кажется объемным, тебя туда втягивает. А справа - Модель, обнаженная девушка, она смотрит в другую сторону, за пределы полотна и напоминает негатив фотографии, тогда как Автор смотрится позитивом.

Вот и сказано ключевое слово о живописи Б.Заборова: фотография. Старая, а то и старинная, утратившая четкость очертаний, она явно присутствует в большинстве его работ. "Я привез с собой совсем небольшой багаж и - не знаю почему - взял свою коллекцию старых фотографий. Я всегда их любил, они возбуждали мою фантазию", - рассказывает художник одному из интервьюеров. Для него фото становится натурой, как природа для пейзажиста, - объясняет Борис. Даже натуральную модель он пишет в стиле старого фото...

Как он это делает? Воспользуюсь подсказкой специалиста: "Художник создает традиционный, классический рисунок, который потом покрывает слоем акриловой краски и через него еще раз прорабатывает поверхность путем расцарапывания и соскребания лишнего. Палитра художника являет набор цветов даже не довоенных, а дореволюционных, выцветших серо-коричневых фотографий".

И это "расцарапывание" в сочетании с "фотографией" вызвало в моей памяти другого мастера: погибшего в Катастрофе польского писателя и художника Бруно Шульца, блестящего графика, который свои рисунки делал на пластинках-негативах путем процарапывания. По-украински (он жил в Дрогобыче, населенном, в основном, украинцами) этот метод был назван "дряпографией"...

Но не только в одном жанре творит свою живопись Борис Заборов. Ему интересно многое, если не все в искусстве. Он оформляет спектакли, в том числе и в "Комеди франсез", снимает фильмы. Он талантливый скульптор: на территории хайфского Техниона можно видеть оригинальный памятник Книге, созданный Борисом Заборовым: это бронзовая скульп-

птура в виде старинного фолианта, из которого вытеснены на переплет цифры и литеры разных языков...

А сейчас Миша Заборов сообщил, что его брат написал воспоминания - "То, что нельзя забыть", которые опубликовал по частям российский журнал "Знамя". Этот текст признан там высокохудожественным, за что Боря получил звание лауреата 2017 года. И теперь журнал издает его отдельной книгой, которую Б.З. сам и оформил. Отрывок этой публикации я получила по e-mail, а также его рассказ "День рождения", вышедший в "Знамени" уже в этом году. Это интересное, добротное чтение - перо Мастера достойно его кисти.

Наград и званий у Б.З. великое множество, все перечислять не стану. Вот несколько: четыре первые премии на конкурсе "Самая красивая книга года", Москва, 1971-1974 гг.; премия 36-го Международного конкурса современного искусства, Монте-Карло, Монако, 2002 г.; Борис Заборов - кавалер ордена "Искусство и литература" Французской республики. А в 2013 г. он был избран в Почетные академики Российской Академии художеств.

Закончу повествование о Мастере на тихой ноте. Его, "художника из зазеркалья", столь узнаваемого в полотнах с воскрешенными персонажами старинных фото, я не узнала бы в скромном деревенском пейзаже. Теперь, насмотревшись репродукций разных его вариантов в интернете и прочитав признание самого автора, узнаю. Вот это признание: "Я каждый год пишу картину, на которой изображено гумно где-то на окраине деревни. Хотя оно само по себе как объект не имеет для меня какого-то исключительного интереса. Просто в процессе работы я как будто прогуливаюсь вокруг, вижу то, что находится за гумном. Моментально вижу озеро Нарочь. Справа - дорога на Кобыльник, Поставы. Все эти места я знаю еще со времен своей молодости, поскольку вместе с семьей каждое лето проводил там".

С рассказа Бориса "День рождения" начну знакомить читателя с его женой, Ириной - это был ее День. Ялта, утренний берег моря. И... танки пошли по Праге. "Мерзавцы, - оценила Ира. - Навсегда опоганили мой день рождения". Пауза. "Поменять, что ли, паспорт? Морока". После немоты пляж забубнил голосами. Море ожило. Солнце двинулось своим путем. Прошел катер на Ялту, оставляя за собой серебряный вспененный шлейф.

Борис Заборов. "Мальчик с гармошкой"

Борис Заборов. "Гумно"

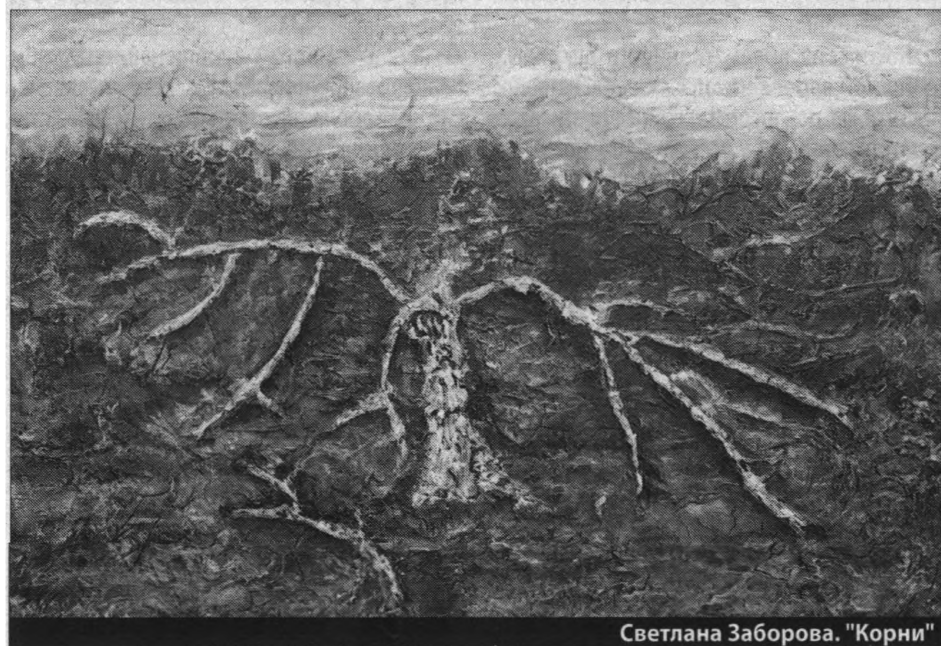
Михаил Заборов. "Еврейка"

Острее всего запоминаются ощущения. Брезгливость. Пошлость. Чудовищная безвкусица происшедшего. У вас нет врагов. Немедленно съешьте их. В истории отечества это - синоним патриотизма".

Ирина до смерти матери не знала, что человек, который ее вырастил, ей не отец, а отчим. С отцом они разминулись: его, тридцатилетнего, расстреляли в 38-м, за два месяца до рождения Иры. Это был талантливый поэт и достойный человек - Борис Корнилов. В первом браке с Ольгой Берггольц у него родилась дочь, которую назвали Иррой. Та девочка умерла, и в память о ней вторая жена поэта, Людмила Борнштейн назвала свою дочку так же. Узнав правду о своем рождении, Ирина взяла вторую фамилию, стала Басовой-Корниловой. Ей ведь жизнь подарили оба. После ареста поэта друг семьи, молодой художник Яков Басов тут же увел из дома Людмилу, которая была на сносях, увез ее в Крым. А вскоре за ней пришли из "органов", и если бы застали, то неизвестно, довелось ли бы Ире появиться на свет. В память о деде-поэте фамилию Корнилова носит сейчас Марина, дочь Ирины и Бориса.

Ирина Басова-Корнилова-Заборова пишет стихи. Настоящие. Издала несколько поэтических сборников. Получив образование биолога, в эмиграции занялась журналистикой. В интервью Ивану Толстому она рассказала, что уезжать из Союза, то есть "из русского языка", не хотела - это была инициатива мужа. "Но... в какой-то момент я поняла, что оставить я его не могу, он без нас уезжать тоже не хотел. В общем, получилось так, что я приехала. О чем я не жалею. Потому что, опять же, я так устроена, что я, как правило, назад не оглядываюсь. Я очень не хотела уезжать, но с первой же минуты у меня не было никакой ностальгии. Ну, и потом претензий к советской власти у меня было, может, даже больше, чем у моего мужа, поэтому как-то все в конце концов встало на свое место".

Судьбы братьев Заборовых сложились на разных уровнях общепринятой рейтинговой шкалы. Так считает Михаил. Однако я давно поняла: его самооценка явно занижена. Миша пребывает в убеждении, что ему недодано таланта, тогда как Борис утверждает, что брат - лучший, чем он, рисовальщик. Вот строки из мемуаров Б.З.: "Есть у меня с братом одна общность в характерах: стремление к независимости и нетерпимость к давлению, влиянию чужих мировоззрений, религиозных, политиче-

Светлана Заборова. "Корни"

ских и прочих, тяга к "мышлению без предпосылок".

Свои годы после окончания школы в Минске, куда семья вернулась из эвакуации, Михаил называет "неприкаянными". Он работал в художественном комбинате, пытался поступить в институт, что удалось не сразу. Поступил "на скульптора" только в 59-м, но спустя три года перевелся на искусствоведческий факультет. После института работал на киностудии, в Белорусском доме моделей. Писал и публиковал статьи в местных и центральных изданиях. В Союз художников Михаила приняли, а в аспирантуру - увы. "Антисемитизм крепчал, что и вытеснило нас за рубеж", - рассказывает он.

Перед самым отъездом его арестовали за поощрение антисемиту, и старшему брату, уже знаменитому и со связями, потребовалось немало усилий, чтобы вытащить его из тюрьмы. Тем временем Света с трехгодовалой дочкой и родителями уехали без Миши, а он воссоединился с семейством после двухмесячной отсидки.

В Израиле ему, главе семейства, было не до отвлеченных теорий, которые развивал в институте, и не до аспирантуры. Пришлось много работать: Миша Заборов преподавал в кружках, школах, а затем и в вузах, выставлялся как скульптор - успешно, но мало. "Я несколько раз пытался создать клуб или научный кружок, - вспоминает он. - На второй-третий год пребывания в Израиле, мы тогда жили в хостеле в Кфар-Саббе, образовался системологический кружок с активным участием светлой

памяти писателя Феликса Розинера и некоторых ученых. Потом кружок собирался уже в Реховоте, одновременно я устроил на дому клуб бардов. Все заглохло, когда я потерял слух..."

Он размышляет о депрессии: "Это все та же коллизия сизифова камня, который был краеугольным не только в нашей семье - я сказал бы, что он в традиции еврейства вообще. У мамы этот камень обрел форму скрипки, у папы кисти, у брата тоже, у меня это было менее определено, но не менее грандиозно: я верил, что родился для великого, а когда столкнулся с реальностью, то оказалось, что силенок-то и нет. Это было крушение всей жизненной концепции. Но самым злостным разрушителем оказался я сам: я не мог себе простить отсутствия великих талантов и истязал себя черными мыслями, не давая душе отдыха. Так разрушалось и то, что было. Убежден: если бы я мог работать в сфере, которую условно называю философией, то не ощутил бы своего фиаско".

А между тем Миша Заборов пишет и регулярно публикует искусствоведческие статьи, написал и издал в Москве и в Израиле несколько книг философско-публицистического содержания. На семинаре в Витебске, посвященном памяти великого земляка, он сделал доклад "Смеховая культура Шагала", который недавно был опубликован в том же российском журнале "Знамя". И там же вышла в свет вторая статья Миши, самая для него важная: "Язык искусства". Эту тему автор, можно сказать, пронес через всю жизнь. "Не побоюсь ска-

зать, это одно из моих открытий, впервые четко объяснено, чем язык искусства отличается от обычного языка", - написал он, пересылая мне эту свою публикацию, которая представляет собой виртуальный диалог с Юрием Лотманом, точнее, с его концепцией данной темы. И в конце концов Михаил делает себе поблажку: "Теперь, когда много лет спустя я сформулировал главную идею, считаю, что все-таки взобрался на свой сизифов бугор".

Со Светланой, женой Михаила, мы много лет не виделись. Узнав, что меня интересуют не только Заборовы-художники, а и их жены, она замахала руками: "Я никто, просто бухгалтер!". Однако же колоритные, неожиданные для этого дома работы, появившиеся на стенах гостиной, писала она, Света, которая живописи не училась. Остались после свекра Абрама краски, кисти и холст - не пропадать же добру! То, что краски старые, придало ее картинам - в основном, это цветы и деревья, даже корни деревьев - рельефность, выпуклость. Это как бы немножечко лепка. Вряд ли живопись Светы Заборовой была бы признана профессионалами. Однако же это красиво, и знаменитый деверь Борис похвалил их искренне, не делая золотке снисхождения.

А что же там, у Заборовых, в третьем поколении? Скажу коротко. Кирилл, сын Бориса и Ирины, - французский композитор, его фортепианные вещи исполняются на "высокой сцене", - сообщает о племяннике Михаил. С племянницей, Мариной Корниловой, проживающей со своей семьей в Штатах, он давно не общался. Знает, что она биолог, растит дочек. Виктория, старшая дочь Михаила и Светланы Заборовых, окончив университет, стала психологом. Арина, младшая, взяв себе сценический псевдоним Джеки, вместе с мужем Кфиром Римохом создала рок-группу. Он пишет слова и музыку, она поет и играет на разных инструментах. Гастролируют по стране, выступают по радио и TV, вполне успешны.

Есть ли и будут ли в этом и следующих поколениях клана Заборовых Сизифы - не знаю, гадать не будем.

P.S. Только что узнала от Михаила Заборова: вчера (19 сентября) позвонили Борису из Флоренции и сообщили, что ему присвоено звание академика Флорентийской академии изящных искусств - старейшей в мире.

ПЕРЕКЛИЧКА В ВЕКАХ

Дина РАТНЕР, Иерусалим

Меняются времена, люди, а духовные устремления народа, первым обратившегося к Богу на Ты, остаются те же. Перекликаются темы стихов израильских поэтов с чаяниями еврейских поэтов на протяжении веков. В частности, с творчеством Шломо ибн Гвириля, стихи которого так же актуальны, как и тысячу лет назад. В терпимой к инаковерцам мусульманской Испании первой половины XI века поэт и философ снова и снова возвращается к теме изгнания, к горькой памяти о разрушенном Храме.

Ури Цви Гринберг

Уже в XX веке Ури Цви Гринберг писал: "Израиль без Храмовой горы - не Израиль. Тот, кто будет владеть Храмовой горой, будет владеть Израилем". Его, взывавшего к Всевышнему о справедливости, не покидало сознание причастности к своей земле.

В книге "Мир без Храма" израильского поэта Михаила Польского читаем переведенные им на русский язык стихи Ури-Цви Гринберга. В стихотворении "Столица мира, чья она?" - он пишет:

*Не обращайтесь в воду кровь сыновью.
Земли Святой ни пяди - никому!*

В течение веков у евреев было не только горькое сознание галута, но и надежда на возрождение государства. Эта идея хранила народ, спасала его в изгнании. Мыслитель европейского средневековья ибн Гвириль обращался к коллегам по перу, упавшим в веселье и утехх сегодняшнего дня:

*Божественный Закон
Тобою позабыт,
Ты счастлив, а Сион
Весь лисами разрыт.
И как мы можем пить,
И как глаза поднять,
Когда нам негде жить
И негде умирать!*

Пер. В.Лазариса

Тоска по утраченной Родине, неприкаянность души на чужбине для ибн Гвириля - это и надежда на будущее, когда народ Израиля снова окажется хозяином своей судьбы. Непонимание единоверцев приводит ему на память отсутствие согласия между иудеями и тысячу лет назад.

Диалог с Богом и надежда на возрождение народа - основная, актуальная по сей день тема творчества средневекового поэта и философа, слово которого, по выражению Ури-Цви Гринберга, "ключ огненный от ужаса изгнания".

По поводу преемственности духовных ценностей евреев начала XX века, живших от погрома до погрома, Гринберг писал в стихотворении "Властелину грядущего":

*Оставшийся один среди беснованья
Валов морских спасения не чает.
В бутылку он кладет свое посланье,
И море эту почту принимает.
И доставляет. Но, увы, не сразу.
Таков поэт, он посылает слово
Для человека дальнего, родного,
Несущего величие и разум,
Грядущего в лучах венца земного.*

Откровение и разум, полагал мыслитель, не только не противоречат друг другу, но ведут к истинному знанию. Библейский Бог и Бог философов - один и тот же. Понимая законы существования мира, его устройство, можно прийти до созерцания Единого.

Однако народ, давший миру понятие Единого, в течение двадцати веков был презираемым и гонимым. В стихотворении "Песнь авраамовой расы" Ури-Цви Гринберга, написанном после украинских погромов, читаем:

*А тем, что ваалам служили -
с тех дней до креста
мы дали понятие Единого -
помнят и знают,
но вечно проклятия их извергают уста,
и кровь их черна, и душа их от злобы пуста,
замшелых ваалов их вечно манит нагота,
и идолов вновь нашей кровью
живую питают.*

*Но стоит душе вострепнуться,
и видим мы их
у наших колодцев,
припавшими к нашей водице.
Давида псалмы просветляют
их мрачные лица -
ведь все их молитвы -
от наших речений святых.*

Воля Бога, согласно воззрениям ибн Гвириля, творит мир, и человек волевым усилием делает себя. Человек богоподобен в той мере, в какой наделен разумом и волей. Если не изменять себе и идти по избранной дороге, то в трудные минуты с небес спускается ангел и идет рядом с тобой, помогая прийти до цели.

В течение веков надежда на возвраще-

ние не оставляла многих потомков прежних хозяев Эрец-Исраэль, ибо они чувствовали себя их законными наследниками. Мечта о своем совершенном царстве помогала прорваться сквозь личную обездоленность к представлению об идеальном месте, о райском саде, где растет Древо Познания и где праведник окажется среди избранных. На ум приходят слова пророка Амоса: "И насажу Я их на земле их, и не будут они больше вырваны из земли своей, которую Я дал им, - сказал Господь, Бог твой".

Диалог с Богом в общенациональном плане разворачивается в ходе тысячелетий. И перекликаются мысли поэтов, стихотворение Ури-Цви Гринберга "В странстве мечты" о той же устремленности души:

*Вот из бездн, из теснин восстаю
И пою на просторах мечты:
Воплотился пророческий стих!
А вокруг суета и возня
Их, живущих заботами дня,
Их, насмешников вечных моих,
Истоптавших просторы мечты.*

А вот картина службы в Храме - то ли видение прошлого, то ли чаяние будущего:

*Ведет за Солнцем музыку орган,
Огни над золотою менорой...
И нет еврея с нищенской сумой,
И нимб пророческий над каждой головой.*

Гринберг, как и всякий наделенный поэтическим воображением, - своеобразный камертон, он острее чувствует время, непрерывность и преемственность бытия. "Мудрость сердца" - интуиция позволяет ему предвидеть то, что скрыто за повседневностью. В 1923 году, будучи в Берлине, он, предчувствуя Катастрофу, опубликовал в идишской прессе статьи-предостережения. 30-е годы он провел в основном в Польше, в 1939 году, после начала Второй мировой войны переселился в Эрец-Исраэль с мессианской идеей возрождения еврейского государства. Родителей и сестер поэта вместе с их семьями постигла участь большинства евреев на оккупированных нацистами территориях. К памяти недавних погромов прибавился ужас гибели семьи.

Евреям, пережившим Катастрофу, стало очевидно, что только на своей земле можно защититься от врагов. Мечты дедов и отцов о горе Мориа и Мессии станут реальностью, только избавясь от смиренности галутного сознания, только обретя готовность сражаться за свое наследие. В стихотворении "Истина одна" читаем:

*Кто шел в крови по полю боя,
Достоин по нему идти с сохой.
На той крови взойдет твоя твердыня -
Третий Храм...*

Михаил Польский, переводчик стихов

Ури-Цви Гринберга в книге "Мир без Храма" сумел передать состояние, устремленность души поэта предыдущего поколения, его религиозно-мистический подход к сионизму, возвращающий нас к истокам и основам нашей веры. Стихотворение "К пределу грез":

*Иду туда, где светится корона,
звучит Машиаха шофар...
Иду туда, где дом, туда, где Храм.*

Тысячу лет назад ибн Гвириль написал "Грамматику иврита" - языка, на котором разговаривали цари и пророки.

*Я понял - было то небес призванье...
Святой язык - венец великолепия и сиянья
Бог вложил в умы людей, чтобы могли
Познать в сем мире и ином Его деянья.*
Пер. Ш.Кроль

Свое назначение средневековый поэт и философ видел в том, чтобы вернуть свой народ к духовной культуре предков, чтобы на иврите не только читали молитвы, но и разговаривали; "ведь выше всех - язык Писанья".

*Святой язык для племени в изгнаны.
Днесь вижу я народ Могучего, смотрю
На уцелевших безгнецов собранье.
Едва на них взглянув, я понял: истреблен
Святой язык почти до основанья.
Живут они с чужою речью на устах
И нет у них иврита понимания,
Забыли свой язык, у них Эдома речь
Или Агари горькое звучанье.*

Пер. Ш.Кроль

В предисловии к книге "Мир без Храма" Марк Азов отметил главную проблему стихов Михаила Польского - проблему становления личности: "В глубинах иврита нашел он Личность, которая послужила ему проводником к себе, к обретению собственной личности, не земной, а принадлежащей народу Книги, народу Бога".

Обращение к Богу, вера сохранила иудеев среди других народов. И не всегда в еврейской поэзии удается различить, где кончается молитва и начинается поэзия, или где кончается поэзия и начинается молитва. У ибн Гвириля читаем:

*Ты - предвечен: вне времени Ты обитаешь,
Вне пространства в мечтах
непосильных витаешь.
Ты - предвечен. Сие недоступно уму:
Бездну таинств удастся ль
измерить кому?*

Пер. Дм.Щедровицкого

Приобщение к истории своего народа, к памяти поколений освобождали поэта от сознания своей конечности, утешали и возвышали. Поэт не сомневался в бессмертии своей души и не расставался с надеждой на возвращение в новом обличье: "И когда из мира этого выведешь меня, в жизнь мира грядущего введи меня".

Судьба не была милостива к автору многих стихов и пиютов, которые поют сейчас в сефардских и ашкеназских синагогах: раннее сиротство, неизлечимая болезнь, бедность. Однако в минуты вдохновения

Михаил Польский

*На нас с тобой иссяк народ святой
в галуте. Вымер. Кончился. Пресекался.
Нас водит Б-г невидимой рукой.
И если мы Его поймем - спасемся.*

Во многих стихах Михаила проблема осознания себя перед лицом Всевышнего переключается с теологическими воззрениями ибн Гвириля, с детства причастного Святому Писанию и ощущающего свою причастность Творцу мироздания. Так в стихотворении "Зачем" читаем:

*Зачем даны мне слух и зренье,
И осязание? Для чего?
Я чувствую Твое творенье,
А значит - верую в него.*

он забывал все беды, и появлялось чувство независимости, самодостаточности. Свои философские размышления и стихи часто сопровождал словами псалмопевца: "Да будут во благоволение слова уст моих и размышления сердца моего перед лицом Твоим, Господи, Скала моя и Избавитель мой" (Теилим, 19:15).

Память тех, что жили до нас, Ури-Цви Гринберг сравнивает с путником, измученным долгой дорогой; он явится и принесет с собой упования ушедших поколений. О чем и пишет в цикле стихов "Человек во глубинах глубин":

*Я молю о нем от зари до зари -
я воплю о нем с Твоей Земли:
Ясный лик яви! Внемли! Узри!
Вот бредет он в тоске, один, упрям...
Снизойди же к его путям!*

Настоящее несет в себе прошлое, переключается с ним, ведь люди не уходят бесследно, "тоска их стоит в небесах".

*Вечен путь, но не вечен тот, кто идет
по дороге, где смерть царит...*

Сознание божественного присутствия, связь Бесконечного - и конечного человека, свобода воли и бессмертие души - содержание жизни и творчества еврейских поэтов, и в частности израильских поэтов нового времени. Духовные ценности, поддерживавшие народ в течение веков, стали источником вдохновения и Михаила Польского. В творчестве Михаила, конечно же, заметны устремления ума и души Ури-Цви Гринберга, переводам стихов которого он посвятил не один десяток лет.

Подобно своему предшественнику, Польский считает, что жизнь не имеет смысла, если человек не ощущает себя перед лицом Бога. В стихах Михаила также очевиден примат духа над плотью и первичность Слова, по которому был сотворен мир.

Биография души - воспоминания о жизни в России, в Москве, где с детства он чувствовал себя изгоем, хоть и старался быть как все, переменяются настроениями взлета, свободы и желанием построить в Израиле - дом без дверей, "ведь кругом свои, а не враги".

Ощущение времени разделилось на "здесь" и "там", но жизнь одна и прошлое становится явью сегодняшнего дня. Снова и снова возвращается память изгоя, несостоявшейся любви, сознание обреченности. И надежда. О чем читаем в стихотворении "Похожи", где два человека схожи судьбой:

Вера предполагает и необходимость справедливости, желание знать, за что страдает невинный человек. Праведный Иов кричал Богу, отобравшему у него детей, здоровье и все, что у него было: "Доколе не умру, не уступлю непорочности своей". И получил ответ: "Мой ум - не твой ум". Все вернул Бог Иову. Однако кровоточащая память о потерянной семье может ли сделать страдальца снова счастливым?

Обращения к Богу нашего современника нередко напоминают моления страдальца ибн Гвириля о возвращении души в новом обличье. Например, стихотворение Михаила - молитва сироты, где просьба об упокоении еврейской души "вместе с праотцами Твоего народа" сопровождается желанием вернуться к жизни в "Твоем Новом Царстве":

*Среди душ, возрожденных Тобой из мертвых -
соверши недоступную для людей
справедливость,
без которой Израиль не будет полон.*

В стихах израильских поэтов сегодняшнего дня, подобно их предшественникам, мы слышим отклик на самые сущностные проблемы, на необходимость духовного единения народа. Актуальные в сегодняшнем мире и мире истории, обращенные к человеку настоящего и будущего стихи и теологические размышления Шломо ибн Гвириля. Слово эхо прошедших десяти веков, доносятся до нас переживания, мысли и устремления сефардского иудея; подобно ему, мы пытаемся соединить чувство, разум и волю, стараемся быть верными призыванию и справиться с обстоятельствами. Поэт прошел дорогу, которую многие из нас хотели бы осилить, и не суть время и место. Так М.Генделев, один из переводчиков ибн Гвириля, писал: "Перевод не изложение стиха, но его продолжение. В другом времени, на другом языке и другим автором..." В любом случае имеет место соучастие, сопричастность чувствам, мыслям, судьбе поэта, о чем мы читаем в стихотворении Михаила Генделева:

*Переводя Гвириля через тьму,
за известковое держа запястье -
и нам уже
- не одному ему -
переходить течение несчастья.
В тумане берег твой, нельзя назад,
а впереди дымы сошли на воды -
и - потому -
идем, мой страшный брат!
Плевать, что поводыр не помнит брода.*

Энциклопедическое издание "Носящие вымышленное имя" посвящено неординарным выдающимся евреям. По разным причинам они взяли себе псевдонимы, приобрели известность благодаря своей созидательной творческой деятельности и стали частью не только еврейской истории и культуры. Многие евреи, которых мы знаем под псевдонимами, вписаны золотом в историю страны, где они проживали. Знаменитые писатели, музыканты, художники, ученые внесли огромный вклад в развитие культуры всего человечества. Основатель хасидизма Баал-Шем-Тов, политик Давид Бен-Гурион, деятели культуры: Шолом-Алейхем, Джордж Гершвин, Гарри Гудини, Кирк Дуглас, Илья Ильф, Фаина Раневская, Марк Бернес - энциклопедия освещает жизнь и деятельность почти 1000 личностей.

Авторы-составители этой замечательной книги - Л.А.Киржнер, И.Л.Киржнер. Ее выпустило в двух томах московское издательство "Книжники" в 2016 году. Нельзя не отметить высокое полиграфическое качество издания, снабжение его мощным справочным аппаратом и, конечно, прекрасную работу художника.

Мы публикуем отрывки из книги, посвященные тем или иным персоналиям.

КАПА РОБЕРТ

Фридман Андре Эрне (1913-1954)

(Будапешт, Австро-Венгрия - Тхайбинь, Французский Индокитай)

Классик фоторепортажа.

Один из родоначальников военной фотографии

В 1931 г. переехал в Берлин, посещал лекции в Высшей школе политических наук, начал заниматься фотожурналистикой. В 1932 г. сделал в Копенгагене серию портретов Л.Троцкого, имевшую большой успех в печати.

Его семья была изгнана из Берлина в 1933 г. нацистским режимом и поселилась в Париже. С 1935 г. Герда Таро специально распространяла среди журналистов слухи о "знаменитом и богатом американском фотографе", который готов продать свои снимки. Роль фотографа играл Фридман. Когда мистификация была раскрыта, Фридман уже был достаточно известен как фотожурналист, и публика уже знала его под именем Роберт Капа, которое и стало его псевдонимом.

Во время гражданской войны в Испании сделал свой классический снимок смерти республиканского солдата в момент, когда того настигла пуля. Под Мадридом погибла его подруга немецкая фотожурналистка Г.Таро, случайно раздавленная маневрировавшим танком.

Опубликовал около 26 прекрасных фотографий, сделанных в Испании. В 1938 г. признан самым великим военным фотографом по версии журнала World Picture post, работал фотокорреспондентом во время японско-китайской войны. В 1940 г. эмигрировал в США. Во время Второй мировой войны был военным журналистом в Европе. В 1944 г. на берегах Нормандии им были запечатлены моменты высадки союзных войск. Тогда Капой было отснято четыре рулона пленки, но из-за ошибки во время проявки, сохранилось только 11 фотографий.

В 1947 г. вместе с писателем Дж.Стейнбеком получил приглашение в Советский Союз, где в течение нескольких месяцев документировал повседневную жизнь. По результатам этой поездки была создана книга с его фотографиями "Русский дневник".

Один из пяти основателей агентства "Магnum Фото", в 1951 г. возглавил его. Это единственная международная организация внештатных фотографов, существующая и сегодня.

В 1948-1950 гг. работал в Израиле, объездил его вдоль и поперек в поисках интересных кадров.

В 1953 г. был вынужден переехать в Европу, спасаясь от маккартизма.

"Война, - говорил Капа, - похожа на стареющую актрису. С каждым годом она становится все более опасной и менее фотогеничной". Он пообещал себе не освещать войну, хотя бы несколько лет, но обещания не сдержал. В 1954 г. отправился фотографировать войну во Вьетнаме. 25 мая 1954 г. его полк проходил через опасный район, который находился под обстрелом. Капа отправился на поиски очередного кадра и через несколько минут прозвучал взрыв. Он подорвался на mine, лишился ноги и получил серьезные ранения. Спасти величайшего военного фотографа не удалось.

С 1955 г. пресс-клуб США ежегодно вручает фотожурналистам Золотую медаль Роберта Капы за "лучший опубликованный фоторепортаж из-за рубежа, потребовавший исключительной храбрости и инициативы".

В своей книге "Немного не в фокусе" Роберт Капа написал: "Если ваш снимок недостаточно хорош, значит вы стоите недостаточно близко".

ЙОСЛ БЕРГНЕР, ЕДИНСТВЕННЫЙ И НЕПОВТОРИМЫЙ

Алек Д. ЭПШТЕЙН

Этот номер "Еврейского камертона" выходит за день до субботы, 13 октября, - как раз в этот день отмечал свой день рождения выдающийся художник Йосл Бергнер. Он прожил очень длинную, насыщенную жизнь, но, к огромному сожалению, скончался чуть более полутора лет назад, 18 января 2017 года. Мне посчастливилось познакомиться с ним, к сожалению, только в самый последний год его жизни. Я успел четырежды побывать в его тель-авивской студии, и воспоминания об этих встречах принадлежат к числу самого дорогого, что я бережно храню в памяти.

Хотя улица, на которой находилась галерея, где продавались - и поныне продаются - его картины и скульптуры, носила имя первопроходца возрождения языка иврит Элиэзера Бен-Иехуды, сам Йосл, хоть и прожил в Израиле 68 лет, на иврит так до конца и не перешел. Во всех справочниках указано, что он родился в Вене - это верно фактически, но глубоко не верно по сути. Рос он в Польше, и, хотя покинул ее незадолго до достижения семнадцатилетия, именно культурный мир бывшей "черты оседлости" сформировал его на всю оставшуюся жизнь. Он до конца своих дней думал и шутил на языке идиш, и при каждой нашей встрече выражал сожаление в связи с тем, что я на этом языке не говорю.

Вторым его языком был - и на всю жизнь остался - английский, который он выучил в Австралии, куда они со старшей сестрой иммигрировали в 1937 году и где он прожил следующие одиннадцать лет. В Австралии Йосл служил в армии, женился, развелся, женился еще раз, его сестра Рут осталась там на всю жизнь - из всей его еврейской семьи в Израиль Йосл приехал один, со своей второй женой Одри - уроженкой Сиднея, которая была на семь лет моложе его. В беседах со своими близкими друзьями, режиссером Нисимом Алони (1926-1998) и литератором Рут Бонди (1923-2017), Йосл рассказывал о том, что Одри в Израиле оставаться категорически не хотела, предлагая им либо вернуться в Австралию, либо перебраться во Францию, где они короткое время после окончания Второй мировой войны тоже успели пожить. Йосл, однако, из Израиля уезжать не захотел, и, когда я познакомился с ними, то Одри говорила на иврите существенно лучше, чем он.

В монографии Фрэнка Клеппера Yosl Bergner: Art as a Meeting of Cultures не только весьма убедительно обосновывается тезис о важном значении пребывания в Австралии для формирования художественного стиля Йосла Бергнера, но и демонстрируется влияние, которое оказал он сам на многих австралийских художников - социальных реалистов. Я, разумеется, ни в коей мере не пытаюсь поставить под сомнение выводы серьезного иссле-

Йосл Бергнер в своей студии, 2010 г.

дователя, но не могу не заметить, что в Израиле от этих мотивов в творчестве Йосла Бергнера буквально не осталось и следа. Его искусство было очень неоднородным, существенно изменяясь от периода к периоду, но обездоленных австралийских аборигенов он никогда не рисовал, равно как и никогда не посвящал свои холсты тем, кто находится на нижних этажах социальной пирамиды израильского общества, будь то евреи - выходцы из Эфиопии и стран Магриба или представители арабоязычного населения, в том числе друзья и бедуины.

Я думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что искусство Йосла Бергнера развивалось в двух параллельных измерениях. С одной стороны, он был наднациональным живописцем, отражавшим глубинные чувства одиночества, любви, сопереживания и скорби, знакомые людям во всем мире, причем герои этих его полотен уподоблены актерам, а место действия - театральным подмосткам. С другой стороны, сотни его работ вновь и вновь возвращают зрителя в исчезнувший духовный мир восточноевропейского еврейства, навсегда уничтоженный Холокостом и ассимиляцией. Думы о погибшей во Львове или где-то в его окрестностях в 1942 году бабушке Хинде не покидали Йосла никогда, и даже в разговорах со мной, 75 лет спустя после этой трагедии, он возвращался к ней вновь и вновь. Бабушка успела написать записки о своей жизни; Йосл организовал их перевод с идиша на иврит, а также оформил это издание. В честь этой бабушки Йосл и Одри назвали свою единственную дочь.

Дважды, 21 апреля и 13 июля 2016 го-

да, я привозил ему ежемесячники, в которых были опубликованы мои посвященные ему статьи: первой была статья в "Еврейском камертоне", вторая - в выходящем в Киеве еврейском ежемесячнике "Хадашот" ["Новости"]. "На Украине до сих пор говорят по-русски? - радостно удивился Йосл, когда я протянул ему привезенные мной экземпляры, - моя мама была из Белой Церкви, это на Украине, недалеко от Киева, и она хорошо говорила по-русски!"

Пунктуальность никогда не была моей сильной стороной и, боясь опоздать на эту встречу, я вышел из дома сильно заранее, и существенно раньше назначенного времени приехал в студию к Йослу, обнаружив его беседующим - как обычно, по-английски - с незнакомым мне посетителем, который, как оказалось, был польским фотожурналистом. Расспрашивая Йосла о детстве, он запел песню на польском языке - и, к моему удивлению, 96-летний художник стал подпевать ему, хотя в Польше не был к тому времени почти восемьдесят лет!

В наши дни в большинстве музеев и галерей на табличках, расположенных под картинами, указывается, где родился художник, и гражданство какой страны - или каких стран - имел; Бергнер, поэтому, значится уроженцем Австрии с австралийским и израильским гражданствами. Применительно к его живописи эта тройственная локализация оказывается totally дезориентирующей зрителя, ибо корни его искусства, по крайней мере, его еврейской грани, очевидно, находятся именно в Польше, где он в детстве использовал вместо игрушек бабушкины кастрюли и сковородки, а в отрочестве пережил

первые влечения к простым местным девушкам. Похожий на циркового артиста беззащитный мальчик, которого Йосл Бергнер рисовал, без преувеличения, всю свою жизнь, - ничто иное, как автопортрет того подростка, который навсегда остался в Польше...

Картины Йосла Бергнера стоят достаточно дорого, но его литографии доступны почти каждому, как и бронзовая медаль с репродукцией такого его автопортрета, выпущенная тиражом в три с половиной тысячи экземпляров Израильской корпорацией монет и медалей в 1992 году. Одна из таких литографий (я помещаю здесь ее фоторепродукцию) висит над моим столом, а медаль на этом столе стоит, поэтому куда бы ни был направлен взгляд, Йосл Бергнер - спасибо ему за это огромное - очень по-доброму смотрит на меня...

В современном искусстве национальный характер, если и приветствуется, то исключительно у представителей тех народов, которые своего изобразительного искусства в принятом на Западе смысле слова до недавнего времени не имели, в отношении же европейца замечание о "национальном облике" произведения звучит почти как приговор ему. В эпоху наднационального глобализма и всепообеждающего космополитизма национально ориентированное искусство выглядит как отживший рудимент; как прошлое, не желаемое понимать, что его время безвозвратно ушло. Из всех израильских художников, с кем я общался и о ком писал, Йосл Бергнер был (понятно, что в свои более молодые годы) наиболее активно вовлечен в неформальную социальную жизнь того весьма узкого сообщества деятелей искусства, критиков и кураторов, которое было законодателем моды и вкусов, поэтому уж кто-кто, а он хорошо знал, насколько "несовременно" воспевание жизни навсегда оставшейся в прошлом черты еврейской оседлости. Мнение бомонда, однако, никогда его не останавливало; Бергнер сохранял верность тому, что было ему дорого, что он любил, чем жил и во что верил.

Вообще говоря, в отличие от того же Шагала, с которым Бергнера многие сравнивали, сам он "черту оседлости" заставить не мог, хотя бы уже потому, что она была отменена за три года до его рождения, поэтому его искусство было не только и не столько воспоминанием о пережитом им самим, сколько обращением к жизни и наследию его семьи и предков. Он не только рисовал бабушкины кастрюли, но и запечатлевал те образы праздников, свадеб и выступлений бродячих музыкантов, о которых ему та же родившаяся в 1870 году в Радымно в Галиции бабушка много рассказывала. Именно от бабушки, я думаю, всю жизнь шла отмеченная мною выше вторая, еврейская грань его творчества.

Первая же, модернистско-общечело-

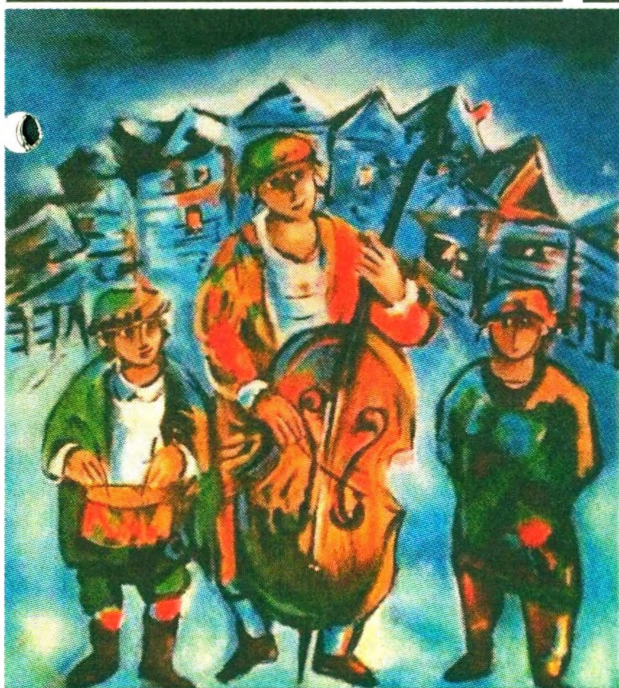
Йосл Бергнер, "Потерянная невинность (Мальчик с яблоком)". Литография

Йосл Бергнер, "Памяти бабушки", 1973 г. Литография

Йосл Бергнер, "Камея любви". Бронзовая медаль, 1992 г. Лицевая сторона

Йосл Бергнер, "Клейзмеры". Литография

Йосл Бергнер, "Плачущая девушка", 1964 г. Литография

Йосл Бергнер, "Камея любви". Бронзовая медаль, 1992 г. Обратная сторона

веческая, в наибольшей мере является продолжением духовных поисков и исканий его отца, писателя и переводчика Мелеха Равича (1893-1976), первым переведшего произведений глубоко ассимилированного в европейской культуре пражского еврея Франца Кафки на язык идиш, от которого сам Кафка окончательно и бесповоротно сбежал в немецкий. И дело здесь не только в том, что над иллюстрациями к произведениям Кафки Йосл Бергнер работал практически всю жизнь, причем он до последних дней гордился тем, что отец одобрил первые из них, которые успел увидеть, вследствие чего роман Кафки "Процесс" в переводе на идиш Мелеха Равича был опубликован в 1966 году с иллюстрациями его сына. Еще большее значение имеет, по-моему, то, что метафора мира как театра, "обжившая" полотна Йосла Бергнера, особенно 1960-1970-х годов, была в значительной мере кафкианской в своей основе.

Кроме Кафки, огромное значение для искусства Бергнера имел Франсиско Гойя, особенно созданный им в 1810-е годы цикл гравюр "Бедствия войны".

Одноименный цикл живописных произведений Йосла Бергнера - подлинный шедевр, и мне неимоверно жаль, что он был доступен только тем зрителям, кто посещал заднюю комнату в студии художника, где хранились его еще не проданные работы. К огромному сожалению, несмотря на то, что еще в 1980 году он был удостоен Государственной премии Израиля, а в Хайфе в честь него в 2013 году была названа площадь, на которой установлена созданная им скульптура, в постоянной экспозиции ни Тель-Авивского, ни Иерусалимского музеев работы этого выдающегося деятеля культуры не представлены. Мне остается лишь позавидовать тому счастливцу, который окажется владельцем "гойевского" цикла Йосла Бергнера, хотя жить под сенью этих пронзительных работ не может быть просто.

О кончине Йосла Бергнера известили все основные израильские газеты; в тот же день я написал об этом Самуэлю Баку, которого Йосл упоминал в наших беседах в самом дружеском ключе, и который, не зная об этом, выражал аналогичные чувства в нашей переписке. На мой взгляд,

именно эти два художника, Йосл Бергнер и Самуэль Бак, были самыми крупными живописцами, наиболее достойно представившими Израиль в мировом искусстве. В то время, когда многие их коллеги пытались сделать карьеру, эпилонски следуя за теми или иными веяниями моды, возвращавшейся от беспредметности к инсталляциям и обратно, Бергнер и Бак утверждали непреходящее значение философской фигуративной живописи, имеющей конкретные исторические корни, но "крона" которой обращена к разуму и чувствам всех ценителей подлинного искусства, принадлежащих к иудео-христианской цивилизации. Йосл Бергнер никогда не соблюдал иудейских традиций, но был последним представителем в мировой художественной культуре исчезнувшего мира восточноевропейского еврейства, память о котором он хранил бережно и по-настоящему самозабвенно.

В марте 2018 года верный (на протяжении тридцати лет!) галерист Йосла Бергнера - Моше Абир, муж сестры мужа дочери художника, объявил о проведении в мастерской, где непосредственно созда-

вались произведения, выставки, которая оказалась распродажей. На стены были прибиты рейки, на которых были развешены многочисленные рисунки; мастерская обрела облик, которого она никогда не имела при жизни художника. Йосла Бергнера и его искусство знали многие: дважды его большие ретроспективные выставки проходили в Тель-Авивском музее искусств, а в 2006 году он был удостоен звания почетного гражданина города, в котором жил. Выставка была открыта на протяжении четырех дней; несколько сот человек, включая мэра Тель-Авива Рона Хульдаи, посетили ее. Посмертно с Йослом Бергнером стало происходить все то, что обычно и происходит с большими художниками, и это позволяет рассчитывать на то, что память о нем надолго переживет его самого.

В ходе одной из наших встреч Йосл Бергнер подарил и надписал мне литографию, созданную им более полувека назад и изображающую плачущую девушку. Когда я смотрю на эту работу сейчас, мне кажется, что эта девушка оплакивает его самого.

ТЕЛЬ-АВИВ - ЕГО ЛЮБОВЬ

К 120-летию со дня рождения Нахума Гутмана (1898-1980)

Шуламит ШАЛИТ

Тель-Авив, не в пример Иерусалиму, не стоял всегда, как многим из нас кажется.

Тель-Авив, как счастливое дитя любви, рожден был в начале XX века у моря, под синим небом, в лучах солнца, среди золотых песчаных холмов. Он возник из мечты, из сна, недаром на иврите Тель-Авив означает "холм весны". Поэтично...

Нахум Гутман втайне знал, что первым полюбил этот город именно он. Вы, конечно, картины его видели. Но никогда нельзя знать все. И должны же мы отметить его день рождения, значит, поговорим о нем, хотя совершенно не верится, что он родился 120 лет назад, 15 октября 1898 года...

Стиль его рассказов, например, о любимом Тель-Авиве - легкий, пронизанный мягким юмором, манера изложения такова, будто он говорит именно с тобой. Удивляют и наблюдательность, и выбор персонажей и, главное, современный иврит, ну, почти... Пистолет на иврите "экдах", но что "экдах то-фи", оказывается, это револьвер, до Гутмана не знала...

Итак, Нахум Гутман - израильский живописец, график, иллюстратор книг, скульптор, писатель. Но также рабочий на виноградниках и цитрусовых плантациях, охранник закованных домов в Тель-Авиве. Что это значит, сегодня надо объяснять.

Когда во время Первой мировой войны турецкие власти прогоняли из Тель-Авива его жителей, а молодых ребят забирали на военную службу, чтоб сражались против англичан, Гутман ходил с оружием, охраняя любимый город. Потом напишет книгу "Тропа апельсиновых корок"... Он смеялся, когда узнал, что эту книгу переводят на японский: ну и ну, что японцы могут понять про изгнание турками тельавивцев из Тель-Авива... Он тогда прошел пешком из Петах-Тиквы, где бабушка соорудила шалаш с занавесками - для уюта и настроения, и обратно... Двенадцать таких же, как он, парнишек сторожили Тель-Авив и ему дали настоящий револьвер... Если честно, то не ему лично, а один на всех. Кто шел на службу, тот шел с револьвером, а тот, кто сторожил, оставался с ружьем. Сменщик доходил до поста, брал ружье и отдавал сменяемому револьвер. Тот передавал его следующему...

Про то, что в 1917 году почти все студенты школы искусств "Бецальель" (куда его примут в 15 лет) после огненной речи будущего третьего президента государства Израиль Залмана Рубашова-Шазара вступили в знаменитый Еврейский легион в составе британской армии и отправились на учения в Египет, Гутман спустя полвека напишет: "Я не запомнил имен всех наших солдат, но по сей день благодарю судьбу за то, что попал в Еврейский легион, где было столько незаурядных личностей". И какие живые портреты он даст в своих воспоминаниях.

То, что Гутман родился в Теленештах (сегодня - Молдавия), он знал, но ничего не помнил, а вот Одессу, куда семья переехала в 1903 году, помнил. Что именно? Что учился

Нахум Гутман. "Врач на ослике" (Д-р Х.Хисин - фрагмент мозаики в Мигдал а-Шалом, в Тель-Авиве)

в школе, где иврит преподавал его отец, что тогда же начал рисовать...

Обычно дети, если им не нравится фамилия, вырастают и меняют ее на другую. В случае Гутмана все получилось наоборот. Отец, писатель Симха Алтер Гутман сменил (так делали многие поборники иврита) фамилию на Бен-Цион - Сын Сиона, а сын Сына Сиона остался при отцовской фамилии Гутман и прославил ее навсегда.

Бен-Цион, учитель и просветитель, издатель и редактор, был всегда и бесконечно занят, на своего сынишку у него не оставалось времени. От этого невнимания и невникания возник тихий конфликт. Да, как у писателя Франца Кафки, помните, наверно, его известное "Письмо к отцу". Нахум Гутман поначалу не писал, а рисовал. И помнил, что первым его талант заметил не отец, а поэт Хаим-Нахман Бялик. Нахуму не было и шести, когда Бялик "громко и возбужденно" вскричал: "Бен-Цион, иди, посмотри, что нарисовал твой сын". Много лет и вод утечет, пока отец доверит сыну иллюстрировать одну из своих книг для воспитания подростков... Возможно, и к этому приложил руку Бялик, потому что раньше отца доверил Нахуму сделать иллюстрации к своей книге...

В общем-то Нахум, как он сам вспоминал, рисовал хоть и выразительно, но почему-то одно и то же: большой русский мужик в меховой шапке, с мешком на спине, вылезает из какой-то ямы. Объяснял так: напротив была пекарня, но на улице мальчика одного не пускали. Гулять с ним было некому. "Я, в основном, сидел дома перед окном, прижавшись лбом к стеклу и глядя на улицу.

Мир я видел через окно. Я смотрел на людей, стараясь угадать род их занятий... Зимой, когда в комнатах топили, пар от дыхания оседал на холодных стеклах, и мои братья рисовали на них рожицы. Так как я с трудом дотягивался до подоконника, рисовать на стекле мне было не особенно удобно. Я подумал, что то же самое можно делать на бумаге, взял лист, примостился у окна и начал рисовать, стараясь скрыть свое занятие от домашних, хотя в этом не было надобности: никто вообще не обращал на меня внимания".

Итак, пока будущее светило Израиля сидит у окошка и с тоскливым интересом наблюдает русского мужика в меховой шапке, мы представим себе еврейскую культурную атмосферу Одессы начала века. Чего проще, не правда ли? Дома у Бен-Циона всегда были люди. И какие! То Хаим-Нахман Бялик, то Йехошуа-Хоне Равницкий, то Ахад а-Ам, то Менделе Мойхер Сфорим, то Дубнов, то оба Рабиновичи - один Мордехай Бен-Ами, а другой - сам Шолом-Алейхем... Через несколько лет, а именно с 1905 года - та же почти атмосфера в новом месте, уже под израильским солнцем - не все, правда, сюда доехали, а некоторые приезжали-уезжали. Может, их именами надо было называть улицы сразу, в первый приезд, тогда бы они не уезжали, а то туда-сюда... И Ахад а-Ам, и Бялик, и Черниховский...

А вот Гутманы как прибыли в Эрец-Исраэль в 1905 году, так и поселились тут навсегда, уже четыре поколения.

Жили они сначала на окраине Яффо. И снова окно, и семилетний, но уже с очень зорким глазом, любознательный мальчик

Нахум Гутман. "Автопортрет с Дорой"

Нахум, смотрит на новое место, на новую жизнь. Ведь такого счастья, как часами смотреть из окошка на пески, из которых вскоре начнут появляться игрушечные белые домики, как не просто строится, а именно рождается ЕГО город, не было, наверно, ни у одного художника в мире!

Разумеется, и он уезжал и в другие города и страны, но всегда возвращался, признаваясь, что с годами любит Тель-Авив не меньше, а даже больше. Мог ли он знать, что воспевая свой город с улыбкой, а это редко кому вообще удастся, он пишет важную главу в самой истории государства? Гутман запечатлел и молочную белизну домов юного города, и его первый киоск с газировкой, и первого младенца, и врача на ослике, и первый фонарь... Городской голова верхом на коне по улице Алленби? Ну и что тут смешного? Но смеялись все - и любившие своего мэра горожане, и сам он, Дизенгоф, и (шепотом), кажется, его конь...

Так они и росли рядом - город и человек, его будущий художник и талантливый писатель, раньше было такое удачное слово "бытописатель"...

В 1907 году они перебрались в Неве-Цедек. Секретарем у отца, редактора журнала "А-Омер", в 1907 году служил "оле ха-даш", 19-летний Чачес из Бучача - будущий лауреат Нобелевской премии Шмуэль-Йосеф Агнон. "Ривка, Ривка, - закричал однажды жене Бен-Цион, - Чачес приехал". Агнон сам вроде говорил, что свой первый на этой земле стакан чая выпил именно у Гутманов. Мать Нахума иврит по-настоящему так и не выучила, читала только по-русски, и Нахум с грустью отмечает, что мать

всегда оставалась "тихой, сдержанной и незаметной"... Умерла она рано. Агнон ухаживал за ней, как сиделка. Всех пятерых детей будет воспитывать "выписанная" из Теленешт мать Бен-Циона - бабушка Минце. Внук написал о ней с большой нежностью. Ах, как она смотрела на кран, из которого льется вода, и поэтому зимой не надо будет ходить к колодцу, как в ее Теленештах...

С отцом всегда было сложнее. В 1980 году, почти одновременно, на иврите вышли две книги. Одна, "Омер", написана Нури Говрин, и она об истории одноименного журнала и его издателя, Бен-Ционе. Всеми уважаемый и чтимый человек, отец Гутмана, вслед за Ахад а-Амом, мечтал об Эрец-Исраэль как духовном центре еврейского народа, и в свои 35 лет видел себя способным основать здесь центр литературный. По тем временам, по понятиям второй алии, он считался уже "стариком". Жена, пятеро детей. Но стать пророком в своем отечестве ему не удалось. Те, кто поначалу ловили каждое его слово, Бялик еще в Одессе, Агнон на первых порах в Эрец-Исраэль, вырвались вперед, добились не только большей, но и очень большой славы, обошли учителя... Другая книга "Меж песками и небесной синью" - это запись рассказов Нахума Гутмана, сделанная Эхудом Бен-Эзером, племянником поэтессы Эстер Рааб. Она вышла в 1990 году и на русском (замечательный перевод Н.Радовской, "Библиотека Алия").

Если первым талант художника в Нахуме заметил поэт Бялик, еще в Одессе, то именно Агнон был тем человеком, который ввел Нахума Гутмана в высокое изобразительное искусство. Он заметил, что при беседе взрослых девятилетний тогда мальчик не спускал взгляда с висящей на стене картины. Это был "Остров мертвых" швейцарского художника Арнольда Беклина, но Нахум пока не знал ни имен художников, ни того, что существуют художественные альбомы... Агнон же в то время делил комнату с архитектором из германского консульства в Яффо, а у того было большое собрание книг и альбомов по искусству. И Агнон пригласил его к ним. Вскоре Рембрандт, Рафаэль, Рубенс, Тициан и даже такие модернисты, как Макс Либерман, стали для Нахума самыми дорогими людьми.

Так, собственно, началась профессиональная учеба художника.

В "Бецалеле" его учителями стали Борис Шац и Абель Пан. Гутман о Борисе Шаце, основателе художественного училища "Бецалель" и его любимом учителе: "Глаза, излучающие тепло, высокие брови. Обаяние личности. Друг, умеющий поддержать, приподнять, зажечь". Об отце ничего такого не прочтешь. Только сам став не только художником, но и писателем, Нахум Гутман смог оценить своего отца, скромного и преданного до самозабвения делу литературы и воспитания нового поколения учителей и литераторов. "Бульвар имени Бен-Циона" в Тель-Авиве знаете? Это мой отец!" - так сказал Нахум Гутман в интервью в честь своего 70-летия.

Разумеется, не только Нахум Гутман любил Тель-Авив. Когда в начале 1930-х годов начали сносить уже "немодные" дома, в том числе гимназию "Герцлия", чтобы строить на их месте высотные здания, поэт Н.Альтерман

почти плакал (стихотворение "Лишний", 1934)... И не он один. Но надо сказать, что в первом "небоскребе", построенном на месте гимназии ("Мигдал а-шалом") сегодня можно полюбоваться огромным, на всю стену, мозаичным панно Нахума Гутмана, посвященным Тель-Авиву. Я же помню, с какой грустью и болью за родной город спустя полстолетия (1983) Арик Айнштейн пел о том, что в тель-авивской реке Яркон умирают рыбы...

Все они любили Тель-Авив. Но Альтерман придет позже Гутмана, а Айнштейн родится намного позже обоих, так что первым полюбил этот город Нахум Гутман. Мы говорили, что в семье особого внимания к своей персоне Нахум не испытывал, потому ли, что родился не первым и не последним, а четвертым, предпоследним ребенком, кто знает, факт, что пребывал в мире придумок и фантазий.

Картины художника можно увидеть в доме, где они жили, в районе Неве-Цедек, на улице Шимона Рокаха, 21 - там находится Музей имени Нахума Гутмана. Он был основан уже после смерти художника. Его сын, профессор-биохимик Хами Гутман (род. в 1936 году) подарил Музею почти всю коллекцию работ отца. Его первое воспоминание: он совсем мал, отец отодвигает его кроватку и рисует на стене большого сиреневого слона с чернолицым седоком на спине. Хами подарил Музею почти всю коллекцию отца - более тысячи картин и иллюстраций, оставшихся у матери. Когда на аукционы приносят "новую" работу Гутмана, для идентификации зовут Хами. Он даже на ощупь отличает холст, полотно для рисования маслом, отцовское оно или подделка, сам делал натяжку, помогая отцу. Гонорар отдает в Музей. Он и сам рисует, издал две книги для детей, перенес на бумагу то, что рассказывал своим детям - Гили и Гиоре. Сам он рос уже в домике с большим садом на улице Ахад а-Ама, 136. Домик снесли, построили новый, высокий. На верхнем этаже живет его сын.

Картины Нахума Гутмана имеются и в других музеях, а вот переводов его книг, его коротких "историй" на русском языке мало.

Сон, например, можно пересказать, но можно и нарисовать. Как нарисовать сон? Сначала изобразить коврик с тапочками и спящую возле кровати собачку, у кого есть коврик, собачка или хотя бы тапочки, а в кровати под одеялом человечек лет 5-6, или 50-60 лет, ведь снам все возрасты покорны, а над головой человечка большой шар с завитушками по краям - это сон. А в шаре, ну, во сне, конечно, понятно - Африка... Она снилась ему долгие годы, он видел себя верхом на диком слоне - и вот уже перед ним свирепый лев, и он уже будто бы нацелился, и тут же носорог поднял свой рог... А может, есть и другие враги, только они на другой странице. И он проснулся...

А сон свой вспомнив через десяток лет, собрал свои вещички, сказал всем до свидания, сел в красную машину №5 и поехал... в Африку. Сначала добрался до Хайфы, а оттуда кораблем до любой точки земного шара можно запросто доплыть, ведь в море рельсы не нужны, и гору можно обойти, и никаких пробок на дорогах, только вода и вода... Так он попал в Италию и оттуда написал, что на самом деле Италия - не сапог, как

ее рисуют на картах, а обычная страна, только с горой на горизонте - Везувием называется... Из Италии путь лежал прямо в Африку. Изобразил он, значит, свой сон - вы помните, сам он в кровати, а сон - над ним, и так начал свое письмо к Ицхаку Яциву, редактору детского приложения газеты "Давар", благословившему художника на это необычное путешествие (Нахум Гутман служил этому изданию в качестве художественного редактора тридцать с лишним лет): "Когда-то я видел сны про Африку, и вот я в Африке, охочусь на диких слонов, и львов, и носорогов..."

Этими же словами он начинает свою первую книжечку, названную "Бе-эрец Лобенгулу мелех Зулу". Вы уже мысленно, наверное, перевели на русский так: "В стране Лобенгулу царь Зулу"... И - неправильно. Пока не прочитаешь, не поймешь. Не страну, а жестокого (в тексте) и смешного на картинках царя, вот кого звали Лобенгулу, и, наверное, был он царем зулусским, и еще там добавлено, что является он также отцом народа метабульского, который живет в горах Булавая. Все нынешние почтенные писатели и настоящие поэты, даже те, кто стихов не пишет, а просто поэты в душе, выросли на этой книжке. И даже генералы. Однажды Гутман получил благодарственное письмо от прославленного генерала Моше Даяна. Дело было так. Когда Нахуму Гутману уже трудно стало перечислить все свои выставки и премии, и израильские и международные, он удостоился еще одной премии, которую передал министерству обороны на покупку для нашей любимой армии новенького "фантомчика". Даян, поблагодарив художника за патриотический поступок, сделал такую приписку: "В душе я все тот же ребенок, - писал генерал, - который помнит и любит Лобенгулу, как каждый ребенок, который вырос в Эрец-Исраэль". И поэтому ему хотелось бы знать о дальнейшей судьбе героев...

"Остров сокровищ" Роберта Стивенсона вышел на иврите в 1932 году, через два года появилась книжка Хаггарда "Копи царя Соломона", а в 1940 году - и мистер Вильямс, герой Гутмана, отправился на поиски клада сокровищ царя зулусского, отца народа метабулу... Казалось бы, влияние Стивенсона и, особенно, Хаггарда на сочинения Гутмана очевидно, однако художественный стиль приключенческого рассказа совсем иной: как и в последующих книгах писателя: ну, во-первых, рассказанное легко нарисовать, а нарисованное - рассказать, это в буквальном смысле живописание, полное юмора, мудрости, любви, и не вообще и не только к человеку, а к разным людям и животным. И в злом и в страшном он умел найти забавное и человеческое... И еще одна маленькая деталь: герои и Стивенсона и Хаггарда нашли искомое, и в этом было их утешение, а мистер Вильямс Нахума Гутмана не нашел никаких сокровищ, и ему утешением стали поистине мудрые слова: "Главное не клад, главное, что рису на всех хватает и никто друг другу не завидует".

Да, писателем, сначала детским, Гутман стал после того, как был уже известным художником. Он из тех писателей, книжками которых упиваются прежде всего взрослые, - ну, как нам читали, а потом мы читали детям про Винни-Пуха или Алису в стране чу-

дес... Детей привлекают приключения и смешные рассказы, а взрослые наслаждаются речью и эстетикой изложения, оригинальностью мышления, тонким юмором...

Все это есть у Гутмана, и, по-моему, как писатель, он еще недостаточно внимательно прочитан, возможно, виной - громкая слава художника, затмившая другую грань незаурядного таланта - рассказчика и придумщика, хотя он и повторял, что все его герои и все ситуации и места действия - из жизни. Из его жизни!

В детстве он читал романы, исторические рассказы, а детские книжки на иврите были без картинок - вот и стал писать о том, о чем хотел читать, будучи ребенком, чтобы были приключения и чтобы смешно, а еще, чтобы полно картинок... Работал в винных погребах в Реховоте - вышла книжка о доставке в страну серебряных и золотых монет в таинственных ящиках - "Большие каникулы, или Тайна ящиков"; отправился учиться в Париж (учился и в Вене, в Брюсселе, в Берлине и даже в Южной Африке и Америке), а как заскучает, так рисует Тель-Авив... Не смешно?

- Сколько картин я написал? - он никогда не мог ответить на этот вопрос. После шести лет учебы в Европе он вернулся домой, весь "пропитанный импрессионизмом, литературой, музыкой", и в Реховоте на ступеньках синагоги встретил свою Дору, в шляпе и белом платье... Ему было 30, ей 28. Так много Доры в его картинах. "Мы женаты уже более 50 лет, и она до сих пор не перестает меня удивлять", - это было сказано за несколько лет до смерти. Он умер в 1980 году, прожив 82 года. Дора была на два года моложе его, а пережила мужа на 15 лет. Кстати, портреты Бялика, Агнона, Бреннера и других имеются и в книге "Меж песками и небесной синью", и они великолепы, как и язык и диалоги...

- Так сколько картин я написал? - и он снова звал Дору! 300 или 400, - отвечала Дора, и это только маслом, без акварелей, графики, скульптуры, декораций в театрах "Оель" и "Габима", панно на выставках.

- А сколько книг проиллюстрировали? - Откуда я знаю? Бялика, - начинал он перечислять, - Черниховского, Фихмана и... еще сто писателей... - Ну, ну, Нахум, меньше... - А что, изменился мой рисунок за эти годы? Как ты думаешь, Дора? - Меня не спрашивай. - Рисунок изменился, стал конкретнее, - так он считал.

После операции на глазах живопись оставил, стал лепить...

Без Гутмана нет раннего Тель-Авива, он его изобразил тысячекратно... Без Тель-Авива нет Гутмана... Он встречает нас и мозаикой в "Мигдал а-Шалом", он заново ожил в реставрированных панно на выставке в Ганей а-Тааруха... Чисты и лаконичны его живопись, его графика, и так же чист и ясен его язык, его иврит. Многие, что переводилось в 1930-1960 годы на иврит, устарело. Заново переводятся сегодня Диккенс и Достоевский, не говоря уже о детской литературе. То, что писал Нахум Гутман, читается и сегодня легко, и все дышит свежестью. Так много в этой счастливой судьбе света, воздуха. "Дети, - призывает он нас, - жизнь коротка. В сказках и рассказах можно подумывать, что она длинная, что много времени. А это не так. И бороться надо не с осликом, а с ослиной глупостью".

Татьяна ХОХРИНА

ПОКИДАЯ ВАШ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД,
Я ПРОЙДУ МИМО ВАШИХ ВОРОТ...

Я за городом. Я сижу на террасе и смотрю в окно. Окно в Малаховку. Хотя это уже не совсем так. Малаховка, как большинство близких к Москве и излюбленных дачных мест, преобразилась до неузнаваемости. Собственно, от той Малаховки, где я посмотрела в окно первый раз в жизни, ничего не осталось. Я узнаю ее, только просыпаясь утром и видя тот же клен, который сто лет назад приветственно помахал осенними красно-золотыми листьями в знак моего рождения. Рисунок переплетения его ветвей не изменился, и я с закрытыми глазами знаю, где густая листва не пропускает света, где почти осязаемо виден горячий солнечный луч, а где одинокий листок стал на свету прозрачен и на нем видны жилки, как на ухе ребенка. Всей остальной Малаховки уже нет.

А ведь какой это был особенный и необычный поселок! Малаховку определяло несколько обстоятельств, сделавших ее не похожей ни на какое другое подмосковное место. Я б даже сказала - местечко. Потому что первым индивидуальным признаком Малаховки было то, что она не стала местечком только из-за слишком близкого примыкания к столице, а так не уступила бы ни Бердичеву, ни Млинову, ни Купелю или Жмеринке, может, только превзошла бы их в части грамотности и просвещения. Остальные же признаки местечка были налицо: еврейское кладбище, общинный молельный дом, базар и множество населявших Малаховку и зимой, и летом еврейских семей. Я еще помню, когда на улице или на рынке идиш звучал не реже русского языка или скорее смешивался с ним, превращаясь в своеобразный малаховский суржик.

Благодаря этому я, родившись в русско-еврейской семье, где идиш знала только бабушка, до сих пор понимаю, помню и выхватываю из чужой речи неожиданно знакомые слова и выражения. И хотя это в основном присказки и ругательства, они греют мне душу.

На нашем отрезке улицы Республиканская, тянущейся через всю Малаховку в Красково, жил десяток еврейских семей, которые, словно в энциклопедическом словаре, демонстрировали возможные сферы применения евреев в народном хозяйстве. Мои родители были юристами, на углу жила детский врач Сарра Оскаровна Флейшман, чуть дальше - знаменитый уролог Ган, напротив - протезист Хайкин, рядом - ювелир Элькис и санинспектор Цикерзон, на другом краю делили дом директор комиссии Брофман и учительница Опельбаум, за высоким забором таился директор строительного рынка Кацель, а замыкал этот оазис физик с неожиданной для физика фамилией Ландау. Наш дом был пополам с братьями инженером и биохимиком Жуковскими, чья семья выкрестилась еще до революции и потому смогла подарить Отечеству, помимо названных героев, диктора Игоря Кириллова, который безупречно вещал по-русски, а его мама и тетка так же гладко - на идиш. Ну и кто скажет, что мы все не могли бы встретиться в Житомире?!

За исключением строительного рынка и комиссии, которые, кстати, тоже не сильно демонстрировали уровень возможностей, остальные жили по-разному, но в це-

Иллюстрация Владимира Любарского

лом достаточно скромно, совершенно не рождали желания местного православного населения заглянуть к ним с гирькой на цепочке или подпалить сарай. Напротив, мы все жили очень мирно, дружно, и почетную характеристику "жидовская морда" я услышала только в Бауманском институте, где вышеназванных жидов как раз было как лейкоцитов в хорошей моче - только следы... А малаховская жизнь у всех была примерно одинаковая, заборы (кроме строителя Кацеля) низкие и реденькие, возможности прозрачные, очереди и блаты общие, так что ничего особенно и не раздражало. Детей с кашлем и сыпью волокли к Сарре Оскаровне, взрослых с разводами и уголовными делами - к моим родителям, недержание исправлял Ган, а прикус - Хайкин, грамотно писать учила Фира Опельбаум, а теорию относительности понимал только местный Ландау. Одевались прилично мы все в комиссионке Брофмана. Вполне себе замкнутая экосистема, позволявшая тогда жить и работать если не по-ленински, то по-человечески.

Как уже было отмечено, особую знаковую Малаховке придавало еврейское кладбище, где нашли последний приют многие еврейские знаменитости и еще в большом количестве никому не известные их соплеменники. Когда-то долгое время вопросами соблюдения традиции на похоронах ведал шикарный биндюжник абсолютно бабелевского типа по фамилии Русский. Шломо Велвл Русский. Когда умер мой дед, и бабушка, в принципе очень далекая от религии, захотела, чтоб прочли кадиш, ей предложили обратиться к Русскому, и она долго плакала, считая, что это ее дразнит и издеваются над ее горем.

Отдельным, не очень достойным развлечением на заре моей юности, было гуляние по еврейскому кладбищу и чтение эпитафий и фамилий усопших, отчего иногда в самый неподходящий момент в тишине кладбища разносилось гомерическое жеребячье ржа-

ние. Причем особенно смешно звучали надписи, читаемые с еврейским акцентом. Недалеко от могилы моего деда стояло огромное мраморное надгробье с целой скульптурной группой, а на плите была надпись: "Самуил, ты ушел, так что?! Кому от этого стало лучше?!" Раньше, чтобы лечь на этом кладбище, было достаточно быть просто евреем. Теперь - дудки! Теперь разрешение на захоронение на Малаховском еврейском кладбище дает Берл-Лазар и надо, похоже, всю жизнь стараться, чтоб по ее окончании притулиться в этом святом месте.

Большая концентрация евреев в Малаховке поставила еще один, тогда - почти неразрешимый, вопрос: где взять мацу? Специальной пекарни в Малаховке не было, христианских младенцев местные евреи не имели привычки обижать, но традицию никто не отменял, и люди пытались каким-то образом хотя бы на Песах мацой разжиться. Стоит ли говорить, что спрос родил предложение. В лице простой русской женщины, Настасьи Петровны Зеленцовой, которая имела такие коммерческие таланты, что сам Сорос бы не отказался пойти к ней в ученики. Толстая Аська (как звали по-соседски Зеленцову), быстро сообразила, что выгоднее производства мацы только торговля оружием и наркотиками, но за это больше дадут. Поэтому в огромном подвале своего дома она развернула пекарню, нашла где-то десяток правоверных евреев, которые знали слова и рецепты, и дело пошло! Ко второму году производство приняло почти промышленные масштабы, мацу штамповали тоннами, в работе участвовали уже все 120 национальностей Советского Союза. У Толстой Аськи было даже собственное клеймо, отмечавшее каждый лист мацы, но ее и так бы никто не спутал, потому что вкуснее Аськиной мацы никто никогда не пробовал. Когда с начала марта с электричек в сторону Аськиного дома пошли уже колонны сомнительных граждан с характерным профилем, местные

власти не выдержали и вызвали Аську в обком. Оказалось, что на этот случай у Аськи партбилет тоже был, удивительно только, что не под номером 000001, и она, как честная и преданная общему делу партийка, доложила ошавшему секретарю обкома, что не жалеет толстого живота своего, чтоб не посрамить Малаховку в глазах мировой общечеловечности и доказать, что у нас свобода всего на свете, а выпечки мацы - тем более. При этом Аська жарко шептала партийной верхушке, что нельзя было такое дело пустить на самотек, доверить беспартийным, что у нее учтен каждый едок мацы и она себя полноправно считает на подпольной работе. В известном смысле она не врала - мацу таки пекли под полом, в подвале. Кстати, евреев Аська тоже удовлетворила: она за недорого разжила метрикой, что она-де на самом деле Хася Пинхасовна Гринкер, осиротевшая в кишиневском погроме. И все ей радостно поверили, хотя родилась она минимум лет через двадцать после тех кровавых событий. Когда после пятнадцати лет непрерывного производства мацы Аськин дом сгорел от пошлого короткого замыкания, его судьбу оплакивали в едином порыве, но по разным основаниям и партийные органы, и местное КГБ, и еврейская община.

Тот пожар стал символом не только исчезновения малаховской мацы, но и первым сигналом начала конца той Малаховки. Без мацы, но главным образом по другим причинам и открывшимся возможностям еврейский люд потянулся в ОВИРы и далее, старые чудесные деревянные дачи пошли в молотка, а новые жильцы предпочитали другие архитектурные решения. Для начала Малаховка вдруг покрылась лабиринтом высоченных заборов, из-за них торчали шпили и маковки кирпичных замков тюремно-романтического стиля. Вновь прибывшие хотели не знакомиться, а отгородиться, с велосипедов все пересели на машины, поэтому многие, живя рядом не один год, не знают друг друга в лицо и по имени, да и не стремятся узнать. Новые дороги и хорошие автомобили приблизили Москву почти до расстояния вытянутой руки, кругом асфальт, рынок заполнен тем же ассортиментом с той же продуктовой базой, что и все московские рынки, и только немногие старожилы радостно встречаются раз в неделю в очереди за творогом и сметаной к Вере или Ларисе, которые чудесным образом не стареют и помнят еще наших бабушек. Многим нравится играть в жизнь американского пригорода, называть свои дома коттеджами, коптить малаховское небо барбекюшницами и каминами, но лица их домов настолько стерты и невыразительны, а жизнь за этими заборами так виртуальна, что кажется, ошибись они дорогой и прикати в другое место, разницы никто не почувствует.

Может, именно поэтому и зимой, и летом я вглядываюсь в Малаховку через свое окно, чтоб узнать знакомые, неповторимые черты, отпечатать их внутри себя и, как в брошенной в море бутылке, пустить в плавание к следующему поколению...

Наум ВАЙМАН

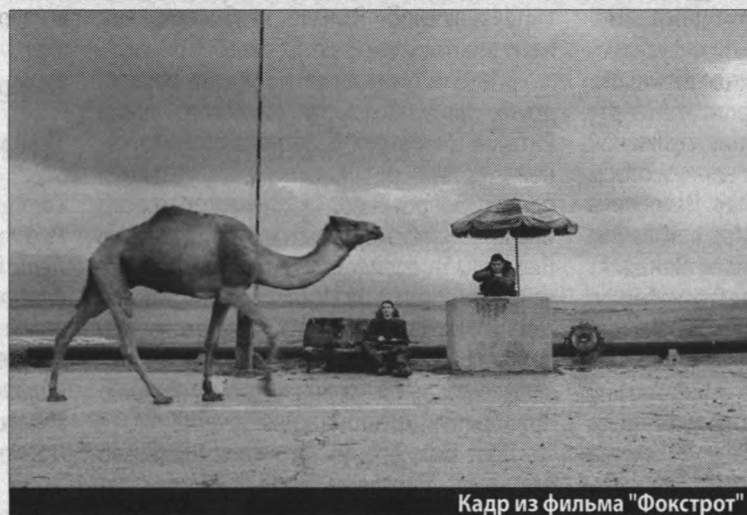
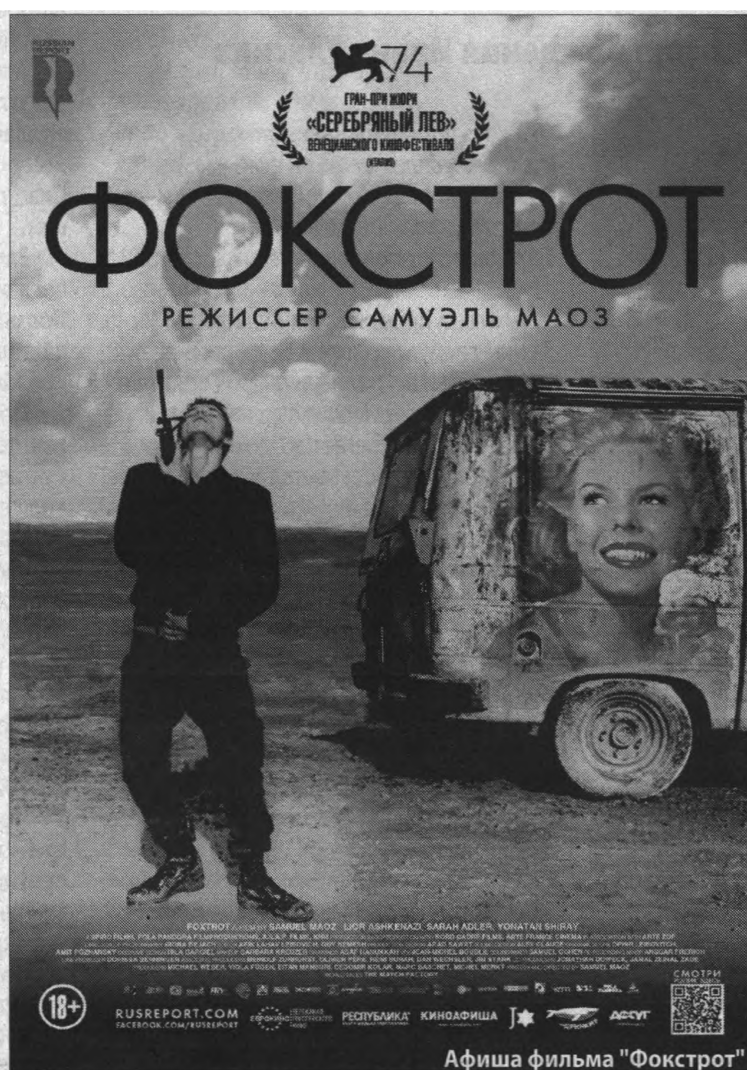
Посмотрел "Фокстрот", по единодушному мнению - лучший и соответствующим образом награжденный израильский фильм за последние пару лет. В зачет ему я должен отнести действительно современные, разнообразные, местами даже оригинальные приемы съемки, то есть "картинку".

Есть вполне обоснованное мнение, что в кино главное "картинка". Но это старый спор о форме и содержании. Все-таки (так я полагаю), вещь получается, когда форма и содержание составляют "единый организм". Израильский же фильм заложил в привлекательную, а точнее сказать, модную форму старую и ржавую (для израильского кино и искусства вообще) агитационную бомбу. Но к тому времени как бомба издает свой вонючий хлопок, в фильме уже ничего не остается от модных формальных прибамбасов и обнажается серый агитационный листок.

Сюжет таков: преуспевающему архитектору лет пятидесяти внезапно сообщают, что его сын, служащий в армии, "погиб при исполнении". Мать, естественно, в обмороке, отец в невообразимых мучениях, кои показывают долго, разнообразно, почти смакуя. И вот, в разгар приготовлений к похоронам, являются новые посланцы армии (есть специальное подразделение для таких случаев) и сообщают, что вышла страшная ошибка: погиб другой солдат с таким же именем и фамилией, а сын архитектора жив и здоров. Архитектор требует, чтоб сына немедленно вернули домой, но ему заявляют, что он находится на боевом посту в отдаленных местах и что это невозможно.

Должен сказать, что если переживания отца я смотрел с напряжением, сопереживая герою (как-никак два сына в армии отслужили), то поворот сюжета, связанный с "ошибкой", я встретил с неприязнью (как будто меня обманули), а все дальнейшее - с нарастающим недоверием. Во-первых, этот "номер" с ошибкой уже был в известном израильском фильме "Сноска", там одному историку-неудачнику сообщают о присуждении государственной премии, а потом выясняется, что премию на самом деле присудили его сыну, а старику сообщили по ошибке, и вот комиссия по присуждению

"ФОКСТРОТ"

премий, куда входит и сын историка, не знает, что делать: известие о подобной ошибке убьет старика... Во-вторых, все, кто жил и служил в Израиле (а я тут уже больше сорока лет) знает, что подобные ошибки исключены (ни о чем подобном я никогда не слышал, хотя "бардак" в израильской армии - притча во языцех). Идентификация, особенно в таких случаях, не может происходить только по имени и фамилии, есть еще номер удостоверения личности, есть армейский номер бойца и т.д. Кроме того, и это особенно нелепо в наше время мобильных телефонов, если уж случилась такая ошибка, то армия должна

была, если не отпустить солдата домой, то хотя бы дать ему поговорить с родителями по телефону. Повтор сюжетного хода, да еще по такому "смертельному" поводу, и вся эта цепочка нелепостей превращает разыгранную перед этим трагедию в фарс. С течением фильма понимаешь, что такова и была задумка режиссера: превратить в фарс все, что "простой израильтянин" полагает священным.

Дальше показаны солдатские будни небольшого подразделения из четырех человек, которое "держит" блокпост на дороге где-то в пустыне. Ситуация уже подчеркнута условная и абстрактная: доро-

га ниоткуда и в никуда, покосившийся и живописно расписанный вагончик, где обитают молоденькие солдаты, не понимающие, где они и зачем, а по дороге время от времени проходит верблюд (и ему почтительно поднимают шлагбаум). И еще проезжают редкие автомобили с арабами - по своим арабским надобностям. Все эпизоды с "проверками на дорогах" даны таким образом, чтобы подчеркнуть унижительность для арабов этой процедуры: мол, они у себя в пустыне, куда хотят, туда и едут, а тут какие-то чужие солдаты поставили шлагбаум и требуют документы...

Кульминация наступает, когда подъезжает автомобиль с группой арабских юношей и девушек, едущих куда-то повеселиться, и во время проверки из открытой двери машины выкатывается банка из-под пива, издавая похожую на гранату, один из солдат кричит, как положено в таких случаях, "граната!", а другой, тот самый сын архитектора, сидящий за пулеметом, всаживает в машину длинную очередь. В реальности ситуация крайне маловероятная, но поскольку все сцены "в пустыне" носят условный характер, то критерии "правдивости" тут как бы и неуместны.

Но и это еще не конец условностям "ситуации в пустыне". Приезжает целый механический "поезд" с землеройкой, трактором и подъемным краном, он роет большую яму, сбрасывает туда машину с убитыми и засыпает ее, будто ничего и не было. После чего прибывший толстый и грубый офицер объясняет солдатам, что, мол, не тушуйтесь, все шито-крыто. Если ситуация с расстрелом была маловероятна, то подобное "сокрытие преступления" уж абсолютно невероятно. Достаточно вспомнить недавний суд над солдатом, которого отправили в тюрьму за то, что выстрелил в тяжелораненого террориста, напавшего перед этим на солдат. И, конечно, совершенно невозможно таким образом, как мафия из американских фильмов, закатывая свои жертвы в бетон или асфальт, скрыть исчезновение стольких людей: обязательны жалобы, расследования... Но опять же, нет смысла искать тут "правдивости", ситуация подчеркнута условная, и нарисованные условия призваны сказать зрителю: вот она, преступная, беспринципная и безжалостная изра-

ильская военщина. Тут уже авторы фильма сбрасывают маски "художников" и переходят напрямую к пропаганде и агитации.

Кстати, приезжий офицер, руководивший "закопками" жертв израильской военщины, объявляет сыну архитектора, что он по приказу начальства отправляется домой в прибывшей за ним военной машине. Это результат того, что отец (показано перед этим) надавил на свои "связи в верхах" и добился для сына отпуска.

После этого следует длинная, минут на двадцать, абсолютно статичная, занудная и неестественная (все модные киноприбамбасы отброшены) сцена с родителями солдата. По ходу ее выясняется, что солдат, возвращаясь домой, погиб в результате дорожной аварии, когда военная машина, пытаясь объехать верблюда, торчащего на дороге, слетела в пропасть. (Кстати, в Негеве верблюды вечно гуляют по ночам по шоссе, являясь причиной немалого числа дорожных аварий, я сам чуть однажды не врезался, тоже во время службы: едешь ночью, глаза слипаются, а у верблюда же нет бортовых огней...) И так, сын погиб, родители разошлись (или развелись), но в день его двадцатилетия архитектор приходит к бывшей жене в надежде примириться, жена делает пирог, они вспоминают молодость, потом курят марихуану, смеются, и муж показывает жене, как танцевать фокстрот: "две шага налево, две шага направо", в общем, бег по кругу. Да, еще архитектор вспоминает, что во время его службы он, будучи офицером, свернул с дороги, приказав следующей машине двигаться дальше, и она подорвалась на mine. Он считает, что все происшедшее с ним - это месть Высшей Силы.

Вот такой фильм. Авторы - это очевидно - ненавидят своих героев. Всех. И несчастных родителей, и несчастных детей. Все ваши несчастья вы заслужили, говорят авторы фильма. Особенно они ненавидят армию и людей в форме.

Зритель, возможно, удивится тому, с какой истребительной ненавистью "свои" ненавидят "своих", левые ненавидят все, что связано с символикой еврейского государства, но это, как видно из этого фильма, факт. О причинах у меня есть, конечно, свои соображения, но это уже другая тема. Я ведь только лишь о кино...

Марк ВЕЙЦМАН

Известно, что когда в Москву везли памятник Пушкину - тот самый, что стоял некогда на Тверском бульваре, а ныне - на Пушкинской площади, - навстречу двигалась похоронная процессия, провожавшая в последний путь Анну Петровну Керн.

*Два любовника страстных,
Отпылавших розно,
Что расстались рано,
А встретились поздно*

- написал об этой встрече в своей "Балладе о чудном мгновении" Павел Антокольский.

Люда Титова и Залик Матвеев, киевские школьники-старшеклассники, познакомились в зловещем 1937 году. Залик старше на три года. Люда красива, умна и литературно одарена, у нее чудесные вокальные данные, что позволит ей впоследствии поступить в консерваторию, и высокие результаты в соревнованиях по пулевой стрельбе. Залик, напротив, не очень хорош собой. "...Маленький, щупленький, - напишет его первая жена поэтесса Ольга Анстей, - и черный, как галчонок, а когда стихи читает, глаза огромные сияют...". Люду эти глаза завораживали. Может быть, еще и потому, что юноша профессионально владел гипнотическими навыками. Кроме того, он был абсолютно бесстрашен. К ужасу Люды, открыто признавался в своей ненависти к Сталину. "Еврейскость" внешности его при этом бросалась в глаза, к тому же картавил. И то сказать - ведь мать его, медсестра Сима Лесохина, родилась в раввинской семье. Да и полное имя сыну выбрала соответствующее - Зангвиль - в честь Израэля Зангвила, популярного англо-еврейского писателя, убежденного сиониста...

Людмила писала кровью на листке бумаги, вырванном из ученической тетради: "Я люблю Залика"...

По вечерам молодые люди отправлялись на Владимирскую горку, бродили по склонам Днепра, по аллеям Первомайского парка, у стадиона "Динамо", где одуряюще пахли маттиолы и табак. Они читали друг другу любимые стихи любимых поэтов, обоим глубоко запала в душу блоковская строфа:

*Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня,
И голос женщины влюбленный,
И хруст песка, и хrap коня.*

Завораживало словосочетание "Елагин мост". Этот мост стал как бы знаком их чувства и соединил их сердца до гробовой доски. Через много лет Зангвиль Матвеев станет одним из наиболее значительных поэтов второй волны русской эмиграции в США - Иваном Елагиным, а Людмила Титова умрет в Киеве в бедности и безвестности, хотя благодарное признание знатоков и любителей поэзии - хотя и посмертное - все же обретет.

"Отпылавшие розно", они, как и Пушкин с Керн, "расстались" рано - в 43-м, но, в отличие от своих знаменитых предшественников, не встретились уже никогда. Иван

ЕЛАГИН МОСТ

К столетию со дня рождения Ивана Елагина

Елагин в Америке расспрашивал о Людмиле бывшего киевлянина Наума Коржавина, но тот ничего существенного ответить ему не мог.

Людмила же в конце 80-х случайно наткнулась на большую подборку стихов в "Огоньке" с предисловием Евгения Евтушенко и с замиранием сердца прочла: "Иван Елагин (1918-1987)"...

Он родился в 1918 году во Владивостоке, в ту пору еще оккупированном японцами. Дед по отцу Николай Петрович Матвеев (Амурский) был известным либеральным журналистом, поэтом и краеведом. Через год после рождения Зангвила старик эмигрировал в Японию. Его сын, поэт-футурист и переводчик с китайского Венедикт Николаевич Матвеев (псевдоним - Март), вскорости вместе с годовалым сынишкой Заликом оказался там же. Крестным отцом Венедикта был друг Николая Петровича ссыльный народоволец Иван Ювачев. Немудрено, что впоследствии Венедикт подружился с его сыном - поэтом-обериутом Даниилом Ювачевым (он же Даниил Хармс). Март к тому же приятельствовал и с Сергеем Есениным, а Константину Вагину послужил прототипом поэта Сентября - персонажа романа "Козлиная песнь".

Известно также, что брат Венедикта Николай (псевдоним - Бодрый) являлся отцом, хотя и внебрачным, поэтессы Новеллы Матвеевой. То есть Залик приходился ей двоюродным братом, и весьма вероятно, что они знали о существовании друг друга, но по крайней мере Новелла о своем заграничном родственнике предпочитала помалкивать.

Из Японии Матвеевы переехали в Харбин, а в 1923 году оказались в Подмоскovie. Дальнейшие события описаны Иваном Елагиным в его автобиографической поэме:

*...Вспыхнула картина в голове,
Как я беспризорничал в Москве.
Мой отец году в двадцать восьмом
В ресторане учинил разгром.
И поскольку был в расцвете сил,
В драке гзпэушника избил.
Гзпэушник этот, как назло,*

*Окажись влиятельным зело
И в таких делах имел он вес -
Так бесшумно мой отец исчез,
Что его следов не отыскать.
Тут сошла с ума от горя мать...*

Это был первый арест Венедикта Марта. За ним следует ссылка в Саратов. В результате - отец в "подвешенном состоянии", мать в психиатрической лечебнице. В результате Залик сбегает из дому, на поезде добирается до Москвы, где некоторое время беспризорничает. На Сухаревском рынке его случайно обнаруживает Федор Панферов, автор известных "Брусков", знакомый отца, и отправляет обратно в Саратов.

Венедикт Март надеется с помощью Ивана Ювачева получить прописку в Ленинграде. Результат отрицательный. Родители разводятся, и Залик с отцом оказываются в Киеве. Здесь будущий Иван Елагин оканчивает школу и поступает в медицинский институт.

В 1937 году приходят за отцом. Обвинение: шпионаж в пользу Японии. Сыну объявляют приговор: 10 лет со строгой изоляцией. Передачи, которые носит Залик в тюрьму, естественно, до адресата не доходят: отец расстрелян. Юноша остается в квартире с мачехой. Впрочем, и ее через некоторое время арестовывают как жену врага народа...

В 1995 году я получил в подарок от моего друга, замечательного киевского поэта Риталия Зиновьевича Заславского, две тоненькие книжницы, изданные его усилиями почти одновременно, - "Я хотела жить совсем иначе" - посмертное издание стихов Людмилы Титовой (она умерла в 1993 году) и ее воспоминания об Иване Елагине "Мне казалось, мы будем жить на свете вечно", содержавшие в приложении несколько его ключевых стихотворений, которые уверенно приобретали хрестоматийные очертания.

Поэт был уже достаточно известен во всем мире, многие знали о теплой приязни к нему Иосифа Бродского, цитировали письмо Солженицына, в котором Александр Исаевич сообщал, что давно выделил Елагина из ряда эмигрантских поэтов, и выражал досаду по поводу их "невстречи" в США.

Имя же Людмилы Титовой до той поры никому, кроме близких друзей, не было известно. Р.З.Заславский, спасший архив, после кончины владелицы уже подготовленный к уничтожению, в полном смысле слова извлек ее из небытия. В Московском ЦДЛ состоялись презентация книг и вечер, посвященный замечательной поэтессе. Титову принялись активно публиковать...

Первая любовь редко оканчивается браком. Однако и после женитьбы Залика на поэтессе Ольге Анстей его дружба с Людой не прервалась. Оба оказались в оккупации. Остается загадкой, как Залик при его семитской внешности в оккупированном немцами Киеве не угодил в Бабий Яр, а

продолжал учиться в мединституте и работать в роддоме. И никто его не "сдал". "Он похож на еврея!" - говорил Люде ее консерваторский знакомец. "В его жилах течет дворянская кровь!" - парировала она.

А вот как раз Титова оказалась на волосок от гибели, замешавшись в толпу евреев, шагавших по направлению к расстрельному рву (проводила старушку-соседку). Спас паспорт, случайно оказавшийся при ней...

Залику с женой и ребенком в 43-м удалось выехать в Польшу и далее на запад - в Лодзь, Прагу, Берлин. Наконец семья попала в лагерь перемещенных лиц Шлесхейм под Мюнхеном.

После войны СССР требовал от союзников выдачи своих граждан - на расправу. Статистика: из 5 миллионов - 4 были возвращены на "родину". Ивану Елагину при помощи лжи и поддельных документов удалось перебраться за океан. Далее - развод с женой, изнурительная черная работа. Затем учеба в университете и - в течение 10 лет - штатная должность в газете "Новое русское слово", принеся достаток. А также степень доктора в Нью-Йоркском университете и профессорство в Питтсбургском, новая женитьба.

Но главное - второе поэтическое дыхание - большой корпус высококачественных оригинальных стихов и переводов. По признанию Зангвила - Ивана Матвеева-Елагина, его перо всю жизнь направляла "сила, стоящая на страже подлинности".

Эта же сила, несмотря на клеймо "была на оккупированной территории", двигала и пером Людмилы Титовой. Именно поэтому их "Елагин мост" прочен и долговечен.

Стихи Ивана Елагина

Амнистия

*Еще жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве,
В тридцать восьмом.*

*Вероятно, на пенсию вышел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.
Ну, а если и умер, -*

*Наверное, жив человек,
Что пред самым расстрелом
Толстой
Проволокой
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.*

Вероятно, тоже на пенсию вышел.

*А если и умер,
То, наверное, жив человек,
Что пытал на допросах отца.*

*Этот, верно, на очень
Хорошую пенсию вышел.*

*Может быть, конвоир
Еще жив,
Что отца выводил
На расстрел.*

Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.

Авторские права

(в сокращении)

Я сегодня прочитал за завтраком:
"Все права сохранены за автором"
Я в отместку тоже буду щедрым:
Все права сохранены за ветром,
За звездой, за Ноевым ковчегом,
За дождем, за прошлогодним снегом.

Автор с общественным весом,
Что за права ты отстаивал?
Право на пулю Дантеса
Или веревку Цветаевой?

Право на общую яму
Было дано Мандельштаму.
Право быть честным и смелым,
Не отступаться от слов,
Право стоять под расстрелом,
Как Николай Гумилев.

Авторов только хватило б,
Ну а права - как песок:
Право на пулю в затылок,
Право на пулю в висок.

Вот они - все до единого, -
Авторы, наши права:
Право на пулю Мартынова,
На Семичастных слова...

Господи, пошли нам долю лучшую,
Только я прошу Тебя сперва:
Не забудь у нас отнять при случае
Авторские страшные права.

(Хотелось бы обратить внимание читателя на сквозную мысль, пронизывающую поэзию Ивана Елагина и ярко представленную в нижеследующем стихотворении: человеческая жизнь есть путешествие скорее во времени, чем в пространстве, чреватое неминуемыми катастрофами. М.В.)

Наплыв

(в сокращении)

Мы выезжали из Чикаго,
А, может быть, из Конотопы,
Из Киева, из Магадана,
И, как в атаку из окопа,
Кидался ветер из оврага
И налетал на нас нежданно.

Но память не дает мне спуска,
Переставляет то и это
По собственному произволу.
(Вот по Андреевскому спуску
Мчит скорой помощи карета
По направлению к Подолу.)

Мы выезжали из Чикаго.
(А может быть, из Куреневки,
Мы ехали на хутор Грушки.
Забылся раненый, бедняга.

За городом без остановки
Переговаривались пушки.)

Мы выезжали из Чикаго,
Мы не заметили, что в трансе
Мы очарованно застыли,
Что мы не сделали ни шагу,
Что едем в том автомобиле
Во времени, а не в пространстве.

Машина сумасшедшей птицей
На скалы кинулась с откоса
И загремела вдоль оврага,
И на дороге на Чикаго
Я с переломанной ключицей
И кровью, хлынувшей из носа.

В карете на носилках лежа,
Затягиваясь стружкой дыма,
Я понимаю, что мне плохо,
Что жизнь моя непоправима,
И с чем-то очень давним схожа
Сегодняшняя суматоха,
Сегодняшняя передряга,
Что я живу уже сверх плана,
Что существую рикошетом,
Что, видимо, по всем приметам
Не существует ни Чикаго,
Ни Киева, ни Магадана,
Ни Конотопы, ни вселенной,
А только есть одна дорога,
А на дороге катастрофы...

Звезды

(в сокращении)

Моему отцу

Колыхались звездные кочевья,
Мы не засыпали у костра.
Шумные тяжелые деревья
Говорили с нами до утра.
Мне в ту ночь поэт седой и нищий
Небо распахнул над головой,
Точно сразу кто-то выбил днище
Топором из бочки вековой!
И в дыру обваливался космос,
Грузно опускался млечный мост,
Насмерть перепуганные сосны
Заблудились в сутолоке звезд.

- Вот они, запомни их навеки!
То Господь бросает якоря!
Слушай, как рыдающие реки
Падают в зеленые моря!
Чтоб земные горести, как выпы,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!

...За окном - круги фонарной ряби,
Браунинг направленный у лба.
На каком-то чертовом ухабе
Своротила в сторону судьба.
Рукописи, брошенные на пол.
Каждый листик - сердца черепок.
Письмена тибетские заляпал
Часового каменный сапог.
Как попало комнату забили,
Вышли. Ночь была уже седа.
В старом грузовом автомобиле
Увезли куда-то навсегда...

Мы живем, зажатые стенами
В черные берлинские дворы.
Вечерами дьяволы над нами

Выбивают пыльные ковры.
Чей-то вздох из глубины подвала:
- Господи, услышим ли отбой?
Как тогда мне их недоставало,
Эти звезд, завещанных тобой!

...В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,
В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!

Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому что знаем: неба нет.

Невозвращенец

Эмигранты, хныкать перестаньте!
Есть где наконец душе согреться:
Вспомнили о бедном эмигранте
В итальянском городе Ареццо.

Из-за городской междоусобицы
Он когда-то стал невозвращенцем.
Трудно было, говоря по совести,
Уцелеть в те годы во Флоренции.

Опозоренный и оклеветанный
Вражескими ложными наветами,
Дважды по одним доносам грязным
Он заглазно присуждался к казни.

В городе Равенне, на чужбине,
Прах его покоится поныне.

Всякий бы сказал, что делу крышка,
Что оно в веках заплесневело,
Но и через шесть столетий с лишком
Он добился пересмотра дела.

Судьи важно мантии напялили,
Покопались по архивным данным -
Дело сочинителя опального
Завершилось полным оправданием.

Так в законах строгие педанты
Реабилитировали Данте!

На фронтонах зданий гордый профиль!
Сколько неутешных слез он пролил
За вот эти лет шестьсот-семьсот...
Годы пылью сыпались трухлявой.
Он давно достиг уже высот
Мировой несокрушимой славы.

Где-нибудь на стыке шумных улиц
В небольшом пыльно-зеленом сквере
Он стоял, на цоколе сутулясь,
Осужденный Данте Алигьери.

Думал он: в покое не оставят,
Мертвого потребуют на суд,
Может быть, посмертно обезглавят
Иль посмертно, может быть, сожгут.

Но в двадцатом веке, как ни странно,
Судьи поступили с ним гуманно.

Я теперь смотрю на вещи бодро:
Время наши беды утрясет.
Доживем и мы до пересмотра
Через лет шестьсот или семьсот.

Пробивают в асфальте дыру

И сажают в нее деревцо,
Чтоб шумело оно на ветру
И кидало мне листья в лицо.

И окно пробивают в стене,
Чтоб встающая из-за моста
До рассвета качалась в окне
Голубая большая звезда.

Видно, так на земле повелось, -
У художника та же судьба:
Пробивают нам душу насквозь,
Чтоб запела душа, как труба.

Птица бьет изо всех своих сил
Против ветра упрямым крылом.
Бог вселенную всю проломил,
Чтобы небо поставить в пролом.

Вы говорите, якобы
Поэты одинаковы.

Попробуйте всмотреться -
По-разному отмечены:
Тот пишет кровью сердца,
А этот - желчью печени.

Кто пишет потом, кто слезой,
Кто половою железой.

Один, как бас-профундо,
Глядит на вас простудно.
Другой берет верхи
Нежнейшим колокольчиком,
А я, мой друг, пишу стихи
Глазного нерва кончиком.

А что мне делать с красотой,
В мои глаза накиданной?
С такой крутой, с такой литой,
Такою неожиданной?

Обернемся на минуту,
Прошлого подстережем.
Рубят голову кому-то
Гильотиною-ножом.

И в кого-то с исступленьем
Загоняют штык насквозь -
Чтоб грядущим поколениям
Очень счастливо жилось.

Так во имя светлых далей
Под всемирный визг и рев
В море Черное кидали
Офицеров с крейсеров.

А теперь мы время сплющим,
В день сегодняшний войдя:
Поколением грядущим
Вдруг оказываюсь я.

И выходит, как ни странно -
Все стряслось из-за меня:
Трупов целые монбланы
И великая резня.

Шли кромешной чередой
Эти черные дела,
Чтобы жизнь моя звездой
Небывалой расцвела.

Чтобы стал мой жребий светел,
Чтобы мне удач не счесть!
Может, я и не заметил?
Может, так оно и есть?!

ЭХО ДАЛЕКОЙ ВОЙНЫ

В этом месяце мы отмечаем 45-летие Войны Судного дня - военного конфликта, вспыхнувшего между коалицией арабских стран, с одной стороны, и Израилем - с другой, осенью 1973 года. Об этом 18-дневном столкновении много и написано, и нет особого смысла пересказывать вновь то, что уже известно. Стоит напомнить только, что оказавшееся внезапным нападение принесло соседям еврейского государства свой результат, и первые двое суток успех был на стороне египтян и сирийцев. Но израильтяне сумели перехватить инициативу и во второй фазе войны чаша весов начала склоняться в пользу Армии обороны Израиля - сирийцы были полностью вытеснены с Голанских высот, на Синайском фронте израильтяне ударили в стык двух египетских армий, пересекли Суэцкий канал и отрезали 3-ю египетскую армию от источников снабжения. На момент окончания конфликта израильские боевые подразделения находились в 100 км от Каира, а Дамаск мог обстреливаться дальнобойной израильской артиллерией с линии фронта, находившейся в 40 км от него. Помнится, один знакомый мне писатель в бывшем Советском Союзе сделал литературную запись воспоминаний известного военачальника, маршала, предложив назвать готовившуюся к печати книгу "Уроки Победы". Но это название в государственном издательстве не приняли, настояв на другом варианте: "Дороги Победы", и разъяснив, при этом, литератору: "Мы говорим о Великой Победе, а какие же тут уроки? Вы что, хотите судить победителей?". А ведь уроки важно извлекать не только из поражений, что и было сделано по итогам Войны Судного дня. Специальная комиссия во главе с тогдашним председателем Верховного Суда Израиля Шимона Аграната расследовала причины того, почему нападение вражеских армий застало страну врасплох, и это привело к военным неудачам в первые дни войны. Как известно, широкий общественный резонанс, который вызвали эти события, привел, в конечном итоге, к отставке главы правительства Голды Меир, а следом - и всего кабинета министров. Что же касается последовавших за первоначальным провалом громких побед израильской армии, то они привлекли внимание многих военных теоретиков - как в западных странах, так и в СССР. Отталкиваясь от них, аме-

риканскими военными кругами была выдвинута новая концепция стратегических оборонительных военных действий, опубликованная в 1976 году под названием "активная оборона". С другой стороны "железного занавеса" в 1974-1975 годах велось активное обсуждение роли противотанковых вооружений в тактических наработках войны Судного дня, что привело к перевороту в оперативном мышлении советского командования. На смену практиковавшемуся массированному танковому прорыву оборонительных рубежей пришла идея предварительного прорыва оборонительных рубежей противника атаками мотострелковых подразделений на всем протяжении линии вооруженного противостояния (разведка боем).

Но не менее важны для осмысления войн уроки нравственные. К тематике Войны Судного дня обращались прозаики и поэты того поколения, на долю которого выпало участвовать в сражениях огненного октября далекого уже 73-го. И вот - только один из примеров. В 2002 году издательство "Гешарим - Мосты культуры" выпустило в свет роман израильского раввина и писателя Хаима Сабато "Выверить прицел". Автор родился в 1952-ом году в Каире. Дед его создал в египетской столице иешиву, где обучалась еврейская молодежь. Когда в 1956-м началась Синайская кампания, отца Хаима арестовали. Дед хлопотал об его освобождении, и, в конце концов, египтяне согласились выпустить арестованного, но на условии, что вся семья покинет

Египет. В 1957-м году, когда Хаиму Сабато было пять лет, семейство приехало на жительство в еврейское государство. Хаим Сабато принял участие в Войне Судного дня. За посвященный ей роман он получил престижную в Израиле премию имени Сапира.

- Я писал эту книгу в течение нескольких десятилетий, - рассказывал Хаим Сабато. - И, когда писал, у меня возникало ощущение, что я снова надеваю каску и забираюсь в танк. В романе есть фрагменты, которые настолько сильно волновали меня, что руки мои начинали дрожать, когда я описывал их по памяти. Эта книга будто выплеснулась изнутри.

Ему было в то время двадцать два года. Сабато учился тогда в "Иешиват а-седер" и успел пройти курс военной подготовки в танковых войсках.

- Был Йом Кипур - мы стояли в синагоге, с благоговением ожидая звуков шофара. Но вместо него в синагогу ворвался вой сирены, пронзительный и резкий. Нас вызывали по тревоге... Прошло несколько часов, и мы оказались в совершенно другом мире, и наши танки вступили в бой. Прямо на нас надвигалась колонна сирийских бронемашин. В моей голове пронеслось все, что мы учили о Земле Израиля, о народе Израиля, который должен защищать свою землю от врагов. Я вспомнил слова Рамбама, который писал о том, что во время боя надо отогнать от себя чувство страха... Я видел, как молодой офицер, взвалив на плечи раненого солдата, уносил его с поля боя, пробегая между танками под беспощад-

ным вражеским огнем. Солдаты и командиры, религиозные и нерелигиозные... На войне все мы были единым народом. Нас объединило чувство истинного братства.

Отразилась тема Войны Судного дня и в творчестве прозаика и поэта Ильи Войтовецкого, которого, увы, уже нет с нами. Мне посчастливилось быть лично знакомым с Ильей, и один из запомнившихся ему эпизодов, связанных с той войной, был озвучен им в литературной рубрике, которую я много лет вел на израильском радио. Свой рассказ он тогда закончил такими словами: "И понял я: от этого не уйти, с этим ничего нельзя поделать, это будет моя нескончаемая, моя пожизненная война, мой вечный Судный день". Илья, как и многие репатрианты семидесятых годов прошлого века из бывшего СССР, оказался на фронте, будучи совсем еще свежим репатриантом. Это о таких, как он, написал в коротком стихотворении "Мобилизация" известный израильский поэт Меир Визельтир. Вот как звучит оно в переводе с иврита на русский язык Александра Воловика:

Потом они призвуют
маленького принца
и вложат в руки ему автомат,
и скажут ему:
"Это правда, что ты
с другой планеты,
но теперь ты здесь,
и из-под нарисованной шляпы
выберется не слон, а танк,
а фонарищик твой -
он террорист,
и если ты
не ликвидируешь
этих овец,
тогда придет очередь тебе,
вот такие дела,
маленький принц..."

В 45-ю годовщину Войны Судного дня мы предлагаем читателям подборку стихотворений, где звучат строки участников тех исторических событий, о которых мы помним - во имя настоящего и будущего.

Семен Кац

М.Найману и Е.Шаулову

Проходит время понемногу...
Тот скорбный день не позабыт -
Ему, как Гитлер, в ад дорогу
Торил "озвезданный" бандит.

Победу празднует заранее,
Египет свой блицкриг творил -
Израиль был молитвой занят,
Израиль с Богом говорил.

И мальчики - его солдаты -
Держали в тот тревожный миг
В своих руках не автоматы,
А томики священных книг.

Побед предчувствием
объяты,
Коварный враг ещё не знал,
Что эти тихие ребята
Суэцкий перейдут канал.

Проходит время понемногу,
Цепляясь траками за быт...
Мы говорим себе и Богу:
"Тот Судный День не позабыт!"

Шаули (Ефим Шаулов)

Я помню день...

Проходит время понемногу,
Цепляясь траками за быт...
Мы говорим себе и Богу:
"Тот Судный День не позабыт."
С.Кац

Я помню день...
Октябрь... Шестое...
Был Судный День...
Был день покоя...
Израиль мир просил у Бога
и отпущение грехов...
Но вдруг воздушная тревога
взорвала святость куполов
всех синагог среди молитвы,
и глас, в эфире, объявил
о вероломстве вражеских сил...

И час настал
смертельной битвы!
И мы, что, без году неделя,
сливались с новой страной
(из тех, которые успели
военный обрести багаж...),
пройдя короткий инструктаж,
рвались, как все, на фронт
и в бой...
И в ночь, когда прислали цав
явиться, срочно, к месту сбора,
- ушёл и я,
жену обняв,
без лишних слёз и разговоров...

Однако Анвар просчитался,
когда врасплох засталъ
пытался
Святую Землю в Судный День
и наш народ в святой молитве,
надеясь, что не будет битвы,
лишь безответная... мишень!
И головным своим отрядам,
он в эйфории и спесиво,
сулить спешил салют парада
на набережной Тель-Авива.

И стал обещанный "парад"
тотальным и позорным
крахом:
войска Шарона - под Каиром,
а Анвар - в панике и страхе
молил... о сепаратном мире!